

Михаил Кречмар
Жесткая посадка

ИД «Бухгалтерия и банки»

Кречмар М. А.

Жесткая посадка / М. А. Кречмар — ИД «Бухгалтерия и банки»,

Два бизнесмена – владельцы компьютерного салона в Москве – попадают в затруднительное финансовое положение. Для того чтобы получить средства для своего бизнеса, они решают отыскать и продать богатому коллекционеру редкий самолёт военного времени, который потерпел крушение в горах Восточной Сибири. Они не подозревают, что станут объектом охоты со стороны неизвестной организации. И только после гибели нескольких товарищей герои поймут, что прикоснулись к какой-то очень опасной тайне. Им не приходит в голову, что эта тайна – один из самых охраняемых секретов Второй мировой войны...

© Кречмар М. А.

© ИД «Бухгалтерия и банки»

Содержание

Пролог. 1942 год	5
1967 год. Димка	7
Виктор. 2003 год	8
Димка, он же Дмитрий Сергеевич Сабуров	12
Поиски очертаний	14
Лев Давидович Сац	16
www.aircombatlink.com	18
Кира	21
Игорь Ухонин, он же – Ух	23
Аэрокосмическое научно-исследовательское агентство (JAXA), Япония	26
Кира	29
Финикс, Колледж-роуд, 1600, офис Aircombat International Society	31
Супермены и бизнесмены	33
Кира	37
Модный шаман Болботун Хорхой	41
Кира	43
Кира. Последний раз Кира	45
Полковник Шергин	46
Организация содействия внешней торговле (JETRO), Япония	49
Болботун Хорхой	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Кречмар

Жесткая посадка

*Польхает кремлёвское золото,
Дует с Волги степной суховей,
Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских друзей.
Карта мира верстается наново,
Челядь пышный готовит банкет,
Риббетроп преподносит Улановой
Хризантем необъятный букет.
...Смотрят гости на Кобу с опаскою,
За стеною гуляет народ,
Вождь великий сухое шампанское
За немецкого фюрера пьёт.*

А. Городницкий. Вальс тридцать девятого года

*– Вы золота самородок найти? – жадно спросил немец.
– Ну нет, – отвечал я. – Всем я занимался в жизни, кроме
кладискательства. Любой дурасти бывает предел.*

Р. Л. Стивенсон. Потерпевшие кораблекрушение

Пролог. 1942 год

Наступил жаркий по северным меркам день – 20 июня 1942 года. У норы, выкопанной под обширным кустом кедрового стланика, похожим на растущие из земли сосновые ветви, сидел старый сизый лисовин и, приоткрыв пасть, глядел на своих щенков, играющих на куче песка и мелких камешков. Щенки были страшненькие, неуклюжие, какого-то непонятого оливкового цвета, носики их были тёмненькие, а глаза узкие, и они очень смешно играли, повизгивая и покусывая друг друга. Лисовин глядел на них, распластавшись брюхом по нагретому камню. Он радовался выводку куропатки, который передал сегодня поутру, когда глупые птицы ещё дремали в зарослях карликовой берёзки, одурманенные туманом и сумерками. Одного из этих птенцов он принёс лисятам, и они вдоволь успели наиграться, прежде чем задавили его насмерть. Старый лисовин был доволен собой, куропатками, камнем, который грел его брюхо, лисятами, и он ничего не знал о странных железных машинах, которые катили по выжженной солнцем степи в пяти тысячах километров от него.

А если бы и знал, то про себя бы усмехнулся по-лисий, потому что никаким железным машинам не переехать четыре великие реки, не подняться по одиннадцати горным хребтам, не преодолеть хребет Джугджур и не выйти к побережью Охотского моря, где располагалось его, сизого лисовина, логово.

И тут его размышления и тихую животную радость прервало странное жужжание, приближавшееся с той стороны, куда всегда исчезало солнце.

Лисовин поднял уши (жужжание превратилось в отвратительный рёв), вскочил, закидал в нору ничего не понимающих лисят и, уже сам скрываясь в логове, увидел мелькнувшую над землёй тень. После чего земля вздрогнула, пахнуло чем-то чужим и страшным, и три входа в нору засыпало камнями и песком.

Старый лисовин рискнул вылезти из норы только в сумерках. Он был опытный лесной житель, и его обиталище имело восемь, а то и десять выходов. Лисовин сидел, прислушиваясь

к странному, совершенно нездешнему звуку. Он раздавался время от времени, раз в три–пять минут.

На склоне сопки, там, где за камни ещё вчера зацепились несколько кустов стланика, гроздилось огромное сооружение, испускавшее чуждый острый запах и издававшее ритмичные звенящие звуки. Но сооружение не шевелилось, и лисовин направился туда небыстрой трусцой, готовый в любой момент скрыться в норе. Звуки не были живыми – по своей ритмичности они были похожи на морской прибой или скрип дерева о дерево во время ветра.

Неожиданно лисовин остановился – перед его лапами растеклась лужа остро пахнущей жидкости, такой же вонючей, как его, лисья, моча. Ему захотелось, высоко подпрыгнув, умчаться отсюда прочь, даже не в нору, слишком близко от которой расположилась эта страшная вещь, а на самую дальнюю марь в этих местах. Но любопытство пересилило, и лисовин двинулся дальше, оглядывая неведомое.

За несколько дней лисья семья привыкла к огромному сооружению, нависающему прямо над их гнездом, и лисята вновь принялись беспрепятственно шалить на песчаной куче под надзором старого лиса. Но вот однажды нос отца уловил в букете самых разнообразных запахов, издаваемых сооружением, один, уже очень знакомый с детства, – так пахло гниющее мясо.

Лис подошёл к исковерканной груде металла и приблизился к месту, которое напоминало ему лисий лаз, – запахом тянуло оттуда. Края этого отверстия были изломаны и страшны, в середине лета они блестели, как ледяные склоны гор в середине марта, и были так же холодны на ощупь. Но лисовина манила пища, и он втянул своё тело внутрь.

Он оказался внутри огромной пещеры, своды которой поддерживались рёбрами, изогнутыми, как стволы берёз, придавленных снегопадом. Потолок пещеры терялся для лисовина во мраке, и он, преисполнившись ужаса, опрометью выскочил наружу. Но сладкий запах тления тянул его внутрь, и лис, чуть поколебавшись, вновь исчез в рваной дыре. На этот раз он уже решительно побежал вперёд – по блестящему холодному полу, странно напоминавшему лёд, только покрытому ребристой насечкой, к освещённому пятну в конце этой странной ледяной трубы.

Там, под прозрачной скорлупой, отгораживавшей пещеру от неба, на изогнутых конструкциях, похожих на искорёженные ветром лиственницы, лежали два огромных, пахнущих мясом, кулька. Кульки эти были покрыты чем-то, что напоминало лисовину то ли листья, то ли мох, но едва лисовин решительно потянул за край шкуры одного из них, рядом с ним свесилась белая, безжизненная лапа – такая же, как у суслика, с пятью пальцами, только без волос, и когти у неё были плоские. Лисовина это ничуть не испугало – он понял, что видит перед собой мёртвые существа из мяса и кожи, и эти существа можно и нужно есть.

1967 год. Димка

21 ноября 1967 года двое рабочих на тракторе С-100 пытались разыскать главную базу Орхоянской геодезической экспедиции. К трактору были прицеплены сани, нагруженные несколькими бочками с соляжкой, ящиками с продуктами, строительными материалами для изготовления триангуляционных пунктов, палаткой, спальными мешками, рюкзаками с личным снаряжением – словом, абсолютно всеми вещами геодезистов, потому что в кабину трактора, кроме двух человек, всунуть можно было разве что только карандаш. Проблема заключалась в том, что в начале пути начала заметать позёмка, которая постепенно превратилась в буран, и в этом буране трактор потерял свою протоптанную колею и теперь, как огромный неуклюжий зверь, подслеповато высвечивал фарами молоко горизонтально летящего снега.

– Давай-ка, погляди пальцы, Димка, – крикнул тракторист своему молодому напарнику, и тот, распахнув дверь, вывалился в сугроб и начал командовать: «Вперёд!», «Назад!», «Стой!». Все команды подавались руками, потому что сквозь стук дизеля и вой пурги ничего не было слышно.

Почти.

Димка углядел торчащие из сочленений гусеницы штыри, забил их несколькими ловкими ударами кувалды и вдруг сделал руками знак, который тракторист не понял.

– Чего? – попытался докричаться водитель сквозь пургу.

– Тише сделай!

Тракторист не понял, но повиновался. Теперь трактор стучал как бы через раз: бу-тук – бу-тук – бу-тук!

Напарник запрыгнул в кабину и ткнул пальцем в белую мглу.

– Туда! Нам знак подают! По железу стучат!

– А что по железу стучат, а не ракету дают?

– Да как ты ракету увидишь в таком буране? Да и отнесёт её незнамо куда... А так – по бочке, видимо, барабанят.

Трактор, постукивая своим стосильным дизелем, бодро двинулся вперёд, но метров через семьдесят осветил фарами почти вертикальный горный склон.

– Ну что? Куда теперь-то? Это ведь трактор, а не самолёт...

– Погодь!

Напарник вновь выскочил из кабины, а тракторист сбросил до минимума обороты двигателя. Откуда-то сверху шёл постоянный металлический звон – будто где-то в пурге время от времени гудел колокол.

Димка, чуть подумав, двинулся вверх по склону.

Звон становился всё слышнее и слышнее. Свет тракторных фар за спиной начал меркнуть, и молодой парень неожиданно оказался словно в круглом зале, где стены, пол и потолок составлял снег. Диаметр зала и было расстояние, на которое он что-либо мог видеть в пурге.

– Десять шагов вперёд – и обратно, – сказал сам себе Димка, борясь с настоящим страхом, – в такую пургу можно в метре от трактора потеряться, а я на сто отошёл. Раз... Два... Три... Четыре...

И из пурги, чёрными рваными кляксами медленно проступая сквозь стену снежного зала, на Димку надвинулся остов разбитого самолёта, куски обшивки которого хлопали на ветру...

Виктор. 2003 год

Рабочий день шёл к концу, но народу в салоне совершенно не убавлялось. Меня это не могло не радовать – покупали хорошо, особенно сейчас, в конце года, когда во многих компаниях выплатили рождественские премии и люди стремились их потратить, в том числе на подарки. Я мельком взглянул на кассу, и на душе ещё более потеплело – там стояла молодая дама в меховой шубке и просила оформить ей продажу «вот этого вот компьютера, ну, вы видите, где такое вот бегаёт... Ну вот, оно уже разлетелось...» Компьютер этот был корпоративным сервером, для демонстрации на котором крутилась «квака»¹, и я с большой теплотой подумал о том, что вот именно эта дама – «наш» клиент. Меня даже перестал раздражать слепленный кем-то из сотрудников идиотский лозунг «В новый год – с новым компьютером!», но подумал, что было бы неплохо сделать какую-нибудь конфигурацию и назвать её – «Для жён молодых бизнесменов». Или – «Для молодых жён бизнесменов». Чёрт его знает.

Я задержался в углу совсем ненадолго – убедиться, что даму взял в оборот Коля Хрюндель – наш лучший менеджер по продажам. «Не уйдёт», – удовлетворённо решил я и поднялся по лестнице в комнату, которая нам с Сержем служила ещё и кабинетом.

Серж был занят своим любимым делом – через затенённые зеркальные стёкла разглядывал торговый зал.

– Прикинь, как удачно, – он даже не обернулся, – сейчас Хрюндель ей сервак впарит, «кваку» гонять.

– Ладно, когда впарит, тогда и будем радоваться. Что у нас на сегодня?

– Двести косых. Конкретно. Дай бог, завтра так же пойдёт.

– Через два дня провал будет. Месяца на два. К католическому Рождеству народ за границу потянется отдыхать, совсем обасурманились. А после Нового года вообще хана – все только и будут думать, как похмелиться. И так месяц подряд.

– Когда нахлынула свобода, нам всё на свете трын-трава. Мы празднуем два Новых года и два Христовых Рождества. Зацени стихи, вчера услышал.

– Ладно, два Рождества, – сказал я уже серьёзно, – что мы с кредитом делать будем?

Кредит, взятый нами для того, чтобы открыть салон, висел дамокловым мечом – как, впрочем, висят кредиты над головами практически всех начинающих бизнесменов. Частично мы взяли его под обеспечение жильём: у Сержа была двухкомнатная квартира на Кутузовском проспекте, у меня – в Тёплом Стане. Но часть средств нам одолжил Лев Давидович Сац, который поставлял вычислительное оборудование для нефтепроводов. И именно эта часть кредита, предоставленная нам под честное слово, беспокоила нас больше всего.

Сац любил делать одолжения.

Но умел их и взыскивать.

– Так что у нас по Сацу? – напомнил я.

– А что по Сацу? Всё то же. Ты и сам знаешь. Прикинь, в сентябре надо вернуть двести штук. Конкретно. Наликом. Как брали, так и отдать. И взяться им особенно неоткуда.

– М-дя... Зарплата гражданам... Проценты... Закупки... Коммуналка... Связь... Налоги... И самим жить на что-то надо.

Подарки родным. Кире. Марине Фёдоровне. Корпоративное Рождество. Обещанная Кире поездка в Анталию. Кроме того, я, поросёнок, уже второй год обещаю маме лечебницу на Исык-Куле. И отсутствие продаж в первую половину месяца. Это – только январь. Да, Серёгин список зиял многими прорехами.

– Может, перезаймём?

¹ Компьютерная игра «Квейк» (Quake).

– И кто же нам даст? Чисто-конкретно?

Да, это точно. Пока мы не погасим долг перед Сацем, вряд ли кто-нибудь рискнёт одолжить нам хоть сотку баксов. Таков печальный итог.

– Сходим к нему?

– Ну и...

– Прозондируем. Просить ничего не будем. Может, продлит? Как раз на Рождество? Один хрен рано закроемся.

– Сац на Рождество может упорхнуть куда хочешь, – хмыкнул я.

– И тем не менее. Окажем почтение старику?

– Давай. Звони ты.

– Почему я?

– Твоя идея, ты и звони.

«И почему многие так стремятся избегать людей, которым должны деньги, – даже тогда, когда те не напоминают о долгах?» – подумал я.

Лев Сац был еврей старозаветной породы – не изменял жене (хотя напропалую флиртовал с девочками – но это был у него ритуал ещё той, советской, эпохи), деньги признавал только в виде наличных (я подозреваю, что в глубине души вообще мечтал о серебряных шекелях и золотых дукатах) и не прощал долгов. Да. Совсем не прощал. Посетить-то его, безусловно, стоило. Лев Сац был сам по себе интереснейшим мужиком. Ещё один математик советской эпохи, ставший крупным бизнесменом новой России. И при этом предельно осторожный. Люди, с которыми он начинал, сейчас находились за рубежом и косили под политических беженцев. Сац же жил там, где и раньше, – не в Лондоне и не на Рублёвке, где мог купить не просто дом, а квартал недвижимости, а просто в большой, перестроенной из нескольких, квартире на Красноармейской улице.

В любом случае, Новый год – лучшее время для разведки боем, которая называется визитом вежливости...

Следующий раз я увидел Сержа через неделю после Нового года. Как и многие магазины, не торгующие водкой или огурцами, мы полностью закрылись на русские рождественские каникулы – с 30 декабря по 14 января. Но сразу после русского Рождества мне понадобился забытый в офисе органайзер, и я наткнулся на Серёгу, гонявшего в гордом одиночестве монстров по новому 22-дюймовому жидкокристаллическому монитору.

– И как, был у Саца?

– Да не очень чтоб... – Серж опустил даже своё обычное «прикинь».

– То есть?

– Ну, собственно, как и ожидалось... Всю сумму, с процентами, он ждёт в сентябре. Если не получится – магазин с офисом переходит в его собственность. Прикинь, мы можем рассчитывать остаться при нём управляющими.

– Не поспоришь. Щедро. И сколько наших туда уйдёт?

– Да тысяч двести пятьдесят.

– И достать ещё надо столько же.

От Сержа преизрядно пахло коньяком.

– И где это ты Новый год праздновал?

– Прикинь, товарищ удачную сделку обмывал. На два лимона баксов чистой прибыли.

– Вертушка газа?

– Да нет. Самолёт...

– А я думал – самолёты дороже стоят. Гораздо.

– Есть у меня знакомый, бывший полярный лётчик, Игорь. Кожаные куртки, сброшенные в угол, ну и так далее.

– Ну и...

– Этот лётчик реставрирует самолёты времён войны. И продаёт их буржуям. За конкретные деньги продаёт. Найдут «пыонэры» какой-нибудь «мессершмитт» в болоте, он его вытащит, отреставрирует – и прямо своим ходом продаёт. Товар жуткий спрос имеет. В развитых странах, имею в виду.

– Да... Вот люди – деньги прямо из воздуха берут. Точнее – из болота.

В офисе горел свет – вероятнее всего, на первом этаже выпивали уборщики. Все они пришли к нам из того же НИИ энергетических линий и электросвязи – в основном, мужики из институтских мастерских, мы попутно поручали им ремонт мелких схем и монтаж локальных сетей.

– Чёрт. Время уподобиться пролетариям. Людям без будущего. Вон, скоро Сац у нас дело отнимет, сами такими же станем.

– Не каркай.

Я достал из сейфа бутылку коньяка.

– Как насчёт продолжения банкета? И бога ради, ни слова о компьютерах и ссудах. Просто так. Не хочу. Не сегодня...

Мы разлили по рюмкам тёмный, отливающий золотом напиток.

– Ты знаешь, – продолжал Серж, – я же всегда хотел лётчиком стать.

– Угу, – поддержал я, – а стал компьютерным барыгой.

– Да не в том дело, – отмахнулся он. – Просто потому-то я и в аэроклуб записался, и много у меня приятелей среди летунов. Среди них есть люди прямо чокнутые на старых самолётах. Прикинь?

– На «этажерках», что ли? – понять такую чокнутость мне было трудно, хотя у каждого из нас свои тараканы в голове. Ким, один из охранников офиса, по ночам всё время «летал» на каких-то авиасимуляторах времён Первой мировой. Видно, тоже кайф ловил...

– Не-е-ет, – озадаченно откликнулся Серж. – «Этажерки» – это круто, прикинь... Реально, так круто, что о них сегодня даже и не думает никто... Их реально не осталось нисколько. Люди летают на самолётах Второй мировой войны. Вот «мессер» поднимут из болота, восстановят его полностью и летают... Взрослые деньги за эти самолёты платят. Конкретно. Ну, как только что...

В дверях послышалось медленное шарканье. В светло-голубом, мерцающем дневным светом проёме возник силуэт. Это был Дмитрий Сергеевич Сабуров, старший смены уборщиков, по совместительству – монтажников. Человек он был много повидавший и много умеющий, только по жизни – полный неудачник. И даже внешним видом он напоминал выражение одного МИФИшного профессора: «Нынешний инженер, товарищи, пошёл даже не серый, а тёмно-серый». У меня даже сложилось впечатление, что он ничего и не хотел от жизни – только твёрдую, даже не очень большую, зарплату, крышу над головой и неизменный стопарик водки перед сном. Был он, конечно, алкоголиком, но тихим, без закидонов. Так, бывает, запьёт дня на четыре, и всё. Но когда Дмитрий Сергеевич не пил, то мог рассказать очень много занятного. Побывал он в молодости чёрт-те где: и на мысе Шмидта, где лопатой отгонял белых медведей от складов с радиорелейным оборудованием, и на полуострове Таймыр, где их экспедиция была северных оленей молотками с лодок на переправе, и в месте падения Тунгусского метеорита, где проводили геофизическую разведку в поисках нефти. Причём сам Дмитрий Сергеевич уже потом про Тунгусский метеорит узнал, что там он упал, дескать. В экспедиции следов падения они так и не встретили. Сергеич так и остался в убеждении, что вся история с метеоритом – обычная фишка, «наука» власть на деньги развела.

– Присаживайся к нам, Сергеич, – предложил Серж. – Хлебни коньячку.

Дмитрий Сергеевич постоял, чуть покачиваясь, и двинулся к нам. Судя по всему, он слышал конец нашего разговора.

– Да, где только эти самолёты не лежат... Мне тоже случилось найти один...

– Где? – Лицо моего «компаньера» будто озарилось.

Вот тогда бы мне и вмешаться, прихлопнуть это озарение, вывести за шиворот Дмитрия Сергеича и накрепко запретить слушать разговоры хозяев, а тем более в них лезть. Однако жалость к самим себе и к таким же неудачникам, как и мы, желание послушать истории о дальних странах и неведомых путях, а также три рюмки коньяка удержали меня от этого. После чего наша налаженная, хотя и не без некоторых трудностей, жизнь, набирая обороты, уверенно покатила под откос.

Димка, он же Дмитрий Сергеевич Сабуров

– Вообще, мне несколько раз пришлось самолёты находить. Два «Дугласа» лежат на Тан-юрере – это на Чукотке, был такой аэродром запасной. Один раз нашёл истребитель в тундре. Он на бочках стоял, его, видимо, поднять пытались. Но не удалось, так он и стоит, как памятник. Мотор только с него сняли, вооружение. Меня, кстати, расспрашивали про него какие-то авиаторы, видимо, тоже поднять хотели. Я им точку на карте примерно поставил, только там без вертолётки не найдёшь ничего. Колымская низменность, страна миллиона озёр и мамонтовых бивней. Но самый странный самолёт я нашёл очень давно, когда ещё до армии в геодезистах работал. В Орхоянском отряде Северо-Восточной геодезической экспедиции.

Мы тогда везли сани со снаряжением на базу. Шли мы одним трактором из Орхояна, есть такая дыра на берегу Охотского моря. Хребты там – невысокие, но страшные. Как писал Федосеев, тоже наш брат, геодезист, «застывшие судороги земли». Людей там никаких не было, только чукчи оленей пасут. То есть они там не чукчи зовутся, а ламуты, но разницы большой нету. От стада до стада – полтыщи километров, и всё это зовётся – «совхоз».

С Орхояна до базы мы ходили одним и тем же маршрутом. Зимник пробили. Но в одном месте зимник этот шёл по голому руслу реки. По гальке, то есть. И на этом месте мы сбились с пути. На мороженой гальке даже трактор следов не оставляет. Вот мы и уползли в какой-то распадок, их в сторону моря миллион уходит.

Конечно, была позёмка. Не пурга, конечно, но радости мало. Идёшь – как в молоке плывёшь. Видно только то, что прямо под тобой. Ну и в десяти метрах, конечно. И вот мы остановились как-то, и слышу я, будто кто по железу стучит, в рельс бьёт. Бомм-бомм-бомм.

Прошёл я буквально тридцать метров – и упёрся в гору. А на горе – самолёт висит. И куски обшивки о каркас стучат...

– Большой самолёт-то? – скорее для проформы спросил я.

– Да дело не в том, большой он или маленький. Это был очень странный самолёт. Я таких не видал никогда – ни в кино, ни в книгах. Огромные крылья. Впереди – круглая кабина, будто крылатый головастик какой-то. Внутри он был снегом забит. Но снаружи мы его весь облазили. Интересно ведь!

– Реа-ально... Наш это самолёт или какой? – поинтересовался Серж.

– Наш? – Сабуров удивлённо замотал головой. – Про что я скажу определённо – этот самолёт точно был не наш. На нём ни одной русской буквы не было. Если честно, по-моему, мы на нём вообще ни одной надписи не видали. Сергей Сергеич, механик партии, сказал, что это американский самолёт, наверное, ленд-лизковский. Их же своим ходом перегоняли, с Аляски на Запад. Вот один из них это и есть...

– А потом вы его ещё раз видели?

– Да нет... А зачем? Квадрат там был не наш, я даже и не скажу, кто на нём работал. Может, вообще с воздуха съёмку доделывали. Потом у нас своя свистопляска началась. Балок работяги по пьянке сожгли. Инженер Федотов спятил, говорит – ему мыши курить запретили. Две недели непогода стояла, начальство спирт казённый пило. Только спирт кончился, тут Федотов и говорит – всё, бросаю курить. Просыпаюсь утром, а на тумбочке мыши сидят и говорят мне так вдумчиво – бросай курить, Федотов! Вот он и бросил... Делириум. Белая горячка. Пока его в больницу везли, пока замену искали... Тут весна подоспела, надо было работу навёрстывать.

– Прикинь, Сергеич, – и в голосе Сержа я услышал настороженность крадущегося кота, желающего зацепить лапой поющую на шкафу канарейку. – Я, конечно, понимаю, бородастый год, и далее... А сейчас ты бы этот самолёт мог снова найти? Реально?

Сергеич задумался, как может задуматься честный хмельной человек. Было очевидно, что он не хочет врать, но и разочаровать хорошего человека ему тоже не хочется.

– Стало быть, это уже после развилки на Слепагае было. Мы прошли часа два, потом видимость совсем пропала. На тракторе часа два – это километров двенадцать–шестнадцать. Потом мы ещё часа два шли в пурге, но это – километров восемь, не больше. И выперлись в маленькое ущелье – может, их там шесть, может, семь... В общем – если очень надо, – найти можно! – И он подставил рюмку под душистую струю коньяка.

Серж откинулся на стуле с видом добившегося своего человека. Или кота, так-таки словившего свою птичку.

«Цап!»

Поиски очертаний

Ещё вчера, уходя из офиса, я понимал, что просто так это сидение не закончится. На столе стояли две опустошённые бутылки коньяка, что само по себе у меня никакого протестного чувства не вызвало: у нас не пункт управления космическими полётами и не центр управления АЭС. Я даже усмехнулся, увидев нарисованные с пьяной нарочитой аккуратностью кроки среднего течения неведомой мне реки Слепагай и её притоков, уходящих в ещё более неведомое Куракское плато. Кроме этого, на столе лежали эскизы очертаний самого самолёта, а также несколько распечатанных фотографий из интернета.

Я пожал плечами, но тут как чёртик из табакерки, выскочил Серж, примчавшийся в офис ни свет ни заря. Сначала я решил, что он вчера оставил здесь нечто важное, телефонную книжку или мобилу, уж очень взволнованным и деловитым он выглядел. Но Серж только очень тщательно собрал со стола изрисованные листки и сложил их в специально приобретённую по этому случаю папочку.

Я хотел было спросить: «А оно того стоит?» – но, поглядев на не вполне протрезвевшее лицо компаньона, решил, что не надо.

Дмитрий Сергеевич рисовал самолёты всю неделю. Насколько я понял, Серж решил попытаться создать «фоторобот» упавшего аэроплана, подобно тому как полицейские всего мира изготавливают фотороботы по словесным описаниям потерпевших. Фоторобот, судя по огрызкам бумаги, иногда попадавшим мне на глаза, удавался не вполне. Аэроплан на нём получался то двухмоторным, то четырёхмоторным, расположение крыла оказывалось то нижним, то верхним. Я от души жалел и Сержа, и Дмитрия Сергеевича, попавшего в цепкие Серёгины лапы и вынужденного вспоминать конструкцию, которую он видел тридцать пять лет назад в течение сорока минут при вполне форс-мажорных обстоятельствах.

Но потихоньку изображение на набросках начало стабилизироваться, один рисунок всё более и более походил на другой, и через неделю «фоторобот», созданный со слов Дмитрия Сергеевича, уже оказался на нескольких сайтах энтузиастов авиаколлекционирования в интернете.

Теперь Серж засиживался в офисе допоздна. Он читал многочисленные послания знатоков авиационной истории. Я никогда не думал, что в нашем прагматичном мире столько людей любят вещи, которыми им никогда не придётся ни обладать, ни пользоваться. Однако людей таких было много, вещи они знали самые невероятные, например, чем отличаются шасси «Юнкерса-87» от шасси «Юнкерса-87В». Все эти люди знали друг друга, переписывались, и появление в их среде неопита в Серёгином лице, видимо, вызвало настоящий информационный всплеск.

Но и это было ещё не всё. К нам стали приходиться странноватые личности, чем-то похожие на компьютерных сумасшедших середины девяностых годов – небритые, нестриженные, с запахом изо рта и нездоровым блеском в глазах.

Они спрашивали Сергея, окружали его кольцом и уводили на верхние этажи, в мрачные и пустые институтские коридоры. От них пахло болотом, ржавчиной, гнилью и травкой. Наш бухгалтер Марина Владимировна звала их морлоками.

В какой-то момент Сержа не оказалось на месте, и глава морлоков обратился ко мне. Он долго озирался, крутил головой, прикрывал дверь, снимал телефонные трубки, пытаясь изобразить всяческую секретность, и в конце концов предложил мне приобрести горсть немецких медальонов-«смертников», ручку управления с модели «Мессершмитт-109» выпуска первой половины 1943 года, звенья ленты от авиационной пушки ШВАК и намекнул, что если условия его устроят, то он может предложить и более серьёзный товар. Я ужаснулся, но сделал каменное лицо и порекомендовал ему обратиться в подвальный клуб «Подвиг», который, как я знал

с детства, располагался в цокольном этаже соседнего здания. Глава морлоков изменился в лице и навсегда исчез из нашей жизни.

Несколько позже я решил воскресить свои юношеские воспоминания и проехал мимо соседнего здания. Неоновая реклама светилась привычным названием, однако под ней крупными голубыми буквами пояснялось, что сегодня здесь располагается гей-клуб.

Тем не менее я решил, что, пока я являюсь Серёгиным компаньоном, подобным типам дорога в наш салон будет закрыта.

– А что в этом такого? Я у них покупаю информацию. Это – «чёрные следопыты», они раскапывают места боёв, интересуются историей. Этой историей у нас, похоже, уже никто из официальных лиц не интересуется.

– Интересоваться историей – одно. А продавать медальоны-«смертники» по двадцать пять баксов за штуку – совсем другое. Мой собственный дед под Воронежем пропал без вести. Они и его «смертник» за четвертак продадут? Люди, которые торгуют памятью павших, – не люди, нелюди, понял! Нет будущего у людей, торгующих собственными павшими! Памятью тех, кто спас их жизнь!

«А не этим ли мы собираемся заняться, разыскивая пропавший самолёт? Надо всё рассказать Кире».

Лев Давидович Сац

Сац обычно принимал гостей очень просто. Но просто так люди к нему не шли. Нашего круга люди, имею я в виду. Льва Давидовича мы знали, ещё будучи студентами, когда он читал нам высшую математику и введение в теорию вероятностей. Позднее, уже как молодые научные сотрудники, праздновали защиту его докторской диссертации. Мы не могли взять в толк, как человек может защитить докторскую диссертацию в области теории вероятностей. В этом было что-то от Эйнштейна. И Барнума² тоже.

Позднее выяснилось, что не только от Барнума и Эйнштейна. К Сацу за помощью обращались очень разные люди, и он, видимо, просчитав с помощью теории вероятностей риски в самых разных отраслях бизнеса, начал вкладывать туда деньги.

Конечно, он не был богачом первых шальных лет приватизации. Но тем прочнее он стоял на ногах. И при этом – заметьте! – не забросил свою родную кафедру и даже продолжал читать лекции, подкатывая к институту на новеньком «мерсе».

На этот раз не мы посетили Саца, а Сац посетил нас.

Он зашёл в салон один, большой, плечистый, в чёрном драповом пальто. Чуть сутулый, чуть лысоватый, чуть с проседью. Побродил среди стоек с мониторами и блоками готовых машин. Всё так же иронично отказался от услуг менеджеров, мгновенно угадавших в нём состоятельного человека и подскочивших с предложениями «помочь». И только проведя в торговом зале не менее получаса, он прошёл к нам.

– Недурно, молодые люди, весьма недурственно. Гляжу я, вы нашли моим деньгам хорошее применение... Менеджмент внимательный, хамит умеренно...

– Кто хамит? – подскочил Серж.

– Да вы успокойтесь, Сергей. Я разве запомнил кто? Да какой русский менеджер не хамит? Менеджер – это ведь иноземное произношение замечательного русского слова «приказчик». А про приказчиков, извольте, прочитайте классиков русской литературы, хотите – сами наблюдайте их через систему видеонаблюдения...

– Мы хотели вас посетить в самое ближайшее время...

– Ну, вместо этого я решил приехать сам. Посмотреть своими глазами, так сказать, что у вас здесь происходит. Я понял, что у вас возникли определённые трудности.

– Собственно говоря, да, Лев Давидович. Мы хотели попросить вас об отсрочке долга на семь месяцев. Учитывая проценты, естественно...

– М-да... Помню я, вы говорили мне об этом... А что вас, собственно говоря, беспокоит? Динамика продаж?

С человеком, когда-то посвятившим жизнь цифрам, цифрами проще всего и разговаривать. Я протянул Сацу несколько балансов, и через минуту он всё понял.

– Да, действительно, ситуация не очень стабильная. Но в целом больших опасений не вызывает. Меня беспокоит другое... – Он едва запнулся. – До меня дошли определённые слухи, что вы ввязались в некое очень сомнительное предприятие... – «Самолёт!» – подумал я... – Слухи об этом... м-м-м... предприятии... доносятся до меня отовсюду. И даже из тех мест, откуда бы я предпочёл ничего не слышать. А в сомнительные предприятия, как показывает практика, пускаются или люди, как бы так выразиться современным языком, «с ограниченной ответственностью», или не уверенные в своём будущем. Дело в том, что временные трудности возникли сейчас и у меня. Поэтому я вынужден настаивать на точном соблюдении нашего договора по долгу. Договору, который и так, как вы наверняка помните, имеет вполне щадящий

² Известный организатор цирковых представлений, автор изречения «Умный человек не может пропасть в мире, где ежедневно на каждого умного рождается сотня дураков».

характер. Если вы не возвращаете его в сентябре, то это предприятие переходит в полную мою собственность. Вашу часть, в размере двухсот тысяч долларов, я вам, разумеется, возвращаю. И даже не буду настаивать на том, чтобы вы оба покинули этот симпатичный кабинет. Кто-то из вас останется здесь в качестве управляющего – право слово, мне, что ли, заниматься торговлей компьютерами, или даже вы оба – наверняка у вас здесь есть какое-то разделение труда, в которое я не вникаю. Заметьте, управляющий – это не приказчик, отнюдь... А зашёл я сюда прежде всего вот зачем – Софья Мироновна, как всегда, устраивает у меня на даче вечер встречи учеников. Вот я, собственно говоря, лично и занёс приглашение...

www.aircombatlink.com

Трудно сказать, когда я сообразил, что Сергей принял рассказ Сабурова за путь к одному из вариантов получить деньги. Он стал допоздна засиживаться на работе, иногда не выключая компьютер на ночь, и поутру на экране монитора проступали рыбы очертания фюзеляжей, фонарей кабин, каплевидные фигуры двигателей. Это были фотографии и чертежи, наброски и вообще отсканированные листы бумаги, очень похожие на стивенсоновскую карту острова сокровищ, с подписью «Здесь зарыт главный клад». Посреди рабочего дня он уходил из офиса, прихватывая с собой Сабурова, которому он специально для этих выходов купил на собственные деньги неброский, но нестыдный костюм. Костюм этот висел в Серёгином шкафу рядом с его собственными личными вещами, предназначенными для представительских выходов. Возвращаясь из этих таинственных отлучек, Сабуров снимал костюм, аккуратно вешал в шкаф и вновь надевал обычную замурзанную джинсовую пару инженера.

Сперва мне казалось, что Серж таким образом сублимирует нереализованную мечту стать лётчиком. Немного позднее я сообразил, что на неё наложился присущий подавляющему большинству мужиков вирус кладоискательства. Что получится из этой взрывоопаснейшей для предпринимателя смеси, я не брался предсказать.

Обеспокоившись всерьёз, я предпринял некоторые собственные шаги. Первым делом – обратился к знакомому лоеру, с которым неоднократно выпивал в «Китайском лётчике».

Как ни странно, лоер отнёсся к Серёгиной идее более чем снисходительно.

– Собираение дорогих и летающих игрушек сейчас – моднейшая вещь. Поиск их – работа весьма специфическая, но не сверхъестественная. Но, насколько я понимаю, твой приятель контактирует с очень авторитетными людьми в данной области и ещё не сделал ни одного необратимого шага. По сути, никто даже не знает, где лежит этот его самолёт, который он собирается поднять. Так что я бы на твоём месте не дрыгался и курил бамбук – видали мы и более невероятные пути получения денег.

Более невероятные пути получения средств я тоже предполагал, но с трудом. Никто не знал не только где лежит этот самолёт, но и кем он выпущен и какой модели. Как, впрочем, не знал этого и сам Серж. И даже всемогущий интернет помог разобраться нам в этом очень и очень нескоро. Но где-то через месяц – помог.

– Прикинь, конкретно, – Серж вместе с Димой разглядывали изображение на мониторе. – «Invader FA-26 C Strato Scout». Вариант, предназначенный для поставки в Россию. Отгружено около двух тысяч штук. В зоне боевых действий не использовался согласно двусторонней договорённости между СССР и США об использовании объектов ленд-лиза.

– А на хрен он нам тогда был нужен, если его нельзя было поставлять на фронт? Что это за бомбардировщик такой? Может, на нём и воевать нельзя было?

– Прикинь, его потому и нельзя было использовать в качестве фронтового, что он такой люксовый, – медленно произнёс Серж. – Бздели, что он к фрицам попадёт, те съюзуют его технические решения. Они были у нас только в резерве Главного Командования. Реально. Так же, как и «Кобры», только в войсках ПВО. Когда у нас Покрышкину разрешили на «Кобре» полетать, скандал случился. А этот самолёт использовали только для аэросъёмки Берлина и важнейших объектов. Но не совсем этот.

– А какой?

– В обычном варианте. Наш вариант – стратосферный разведчик с радиолокатором. Объединённая кабина пилота и стрелков, полностью изменённая носовая часть – видишь, такая решётчатая головешка, он так похож на головастика? Их изготовили всего пять штук. Не осталось ни одного. Цена полностью восстановленного экземпляра – \$8 000 000. Прикинь!

Первой моей мыслью было – зря Сабуров всё это увидел. Хотя... Восьми миллионов должно хватить на всех... Не говоря уж про такую ерунду, как Сацу деньги отдать.

Похоже, что все вокруг испытали аналогичные чувства.

– Восемь миллионов, мать Божья... Как квадратный трёхчлен. «А я себе такого и представить не могу».

Вечером мы втроём пили коньяк вокруг включённого монитора.

– Чего я хочу – конкретно, – благодушно произнёс Серж, – я хочу продать этот самолёт, можно сказать, «на корню» – то есть, его описание вместе с точным положением. Реально заниматься его вывозом и подъёмом на крыло мы не будем. Прикинь, это может стоить около полутора-двух миллионов USD. Сумму мы поделим на троих – чисто-конкретно. Вся эта заморочка потребует организации поездки на место падения ероплана – и будет сама по себе приключением ещё тем.

Я кивнул. Впервые за месяц, который прошёл с начала «авиационной лихорадки» в нашем офисе, я услышал что-то не вполне безумное. Да, конечно, организация ремонта самолёта требовала бы у нас создания отдельного предприятия, налаживания дела, в котором ни Серж, ни я ничего не смыслили. А вот уточнить местоположение этого «золотого» разведчика и продать его описание заинтересованным лицам – дело совсем другое.

– Всё-таки мне кажется, что одного местоположения с описанием будет недостаточно для получения искомой суммы, – тем не менее рискнул заметить я. – Полагаю, нам всё-таки придётся вывезти машину в какое-нибудь относительно населённое место – тот же самый... ну, как его там – Орхоян. Или Хабаровск.

– Да, это усложнит дело. Но не сильно конкретно. Нам потребуются два-три механика, в той или иной степени знакомых с авиацией, и вертолёт. Реально, я предлагаю разделиться. Ты останешься заниматься делами в Москве, а мы с Сергеичем двинем в Хабаровск и Орхоян. Сергеич, сколько времени у тебя может занять поиск самолёта? В поисках мы полагаемся на тебя – ты из нас единственный изыскатель. Конкретно!

– Ну, я думаю так: сперва нам надо оказаться в том месте, где мы с пути сбились. Я бы двинул туда на каком-нибудь вездеходе, арендованном в Орхояне. Идти туда километров двести, по нашему старому зимнику. Там мы бы чуток поколесили, пока не нашли примерно точку, откуда начали уходить к Приморскому хребту. А там бы вызвали вертолёт и с воздуха бы обшарили эту территорию.

– Серж, во сколько вы оценивали всю операцию по поиску машины?

– Вместе с перелётом Москва – Хабаровск – Орхоян для двух человек – в восемь косых.

– Включая аренду вертолёта? Я кое-что про это знаю – у него баксы при полёте из турбины летят.

– Ну да.

– А возможный вывоз самого планера и двигателей вы не рассчитывали?

– Если до Орхояна – это удорожит всю операцию примерно вдвое. Если до Хабаровска – то, признаюсь, не считали.

– Стало быть, так. Вместе с вывозом в Орхоян всё это мероприятие, по минимальной стоимости, обойдётся нам в шестнадцать косых. Как нас учат классики экономики, увеличиваем стоимость в полтора раза и затем добавляем десять процентов. Итого – на всё это мероприятие нам нужно около двадцати пяти тысяч долларов.

– Не так много, учитывая, что на кону полтора миллиона.

– М-дя. А если их не будет? Тогда к нашему долгу в двести пятьдесят тысяч добавится ещё двадцать пять. И их ещё предстоит где-то занять. Ты сам-то как, Сергеич, готов ехать в Орхоян?

– Да я бы с удовольствием, – Дмитрий Сергеевич за последние три недели почистил пёрышки, в глазах появился блеск, и он уже совершенно не походил на советского инже-

нера-неудачника из рассказов Трифонова или Маканина. – Вот начался этот разговор, а я думаю – неужели я снова увижу гольцы Джугджура? Ведь тут, в этом институте, прошли пятнадцать лет жизни, за водкой, коньяком, хабами и серверами. Как и не было их. А жизнь – где-то там осталась, – он кивнул в сторону, где, по его мнению, располагались пресловутые гольцы Джугджура.

Сабуров произнёс свой пассаж, и я вдруг снова ощутил, до такой степени ненатурально это прозвучало. Конечно, когда-то какой-то советский писатель, имя им – легион, выдумал этот типовой топик о настоящей жизни, прошедшей где-то «там», в юности, в каких-нибудь Уральских или Саянских горах, и о никчёмности существования в советском НИИ. И этот топик не только перекачивали последователи этого безымянного совписа, но и с упоением повторяли сами инженеры-неудачники – как свидетельство их принадлежности к иной, какой-то «горной» жизни. И ещё подумалось мне, что Серж сделал Сабурову чересчур щедрое предложение – одна треть от полутора миллионов. Вполне можно было обойтись сотней тысяч или вообще – «А возьму-ка я вас, Киса, к себе в секретари. На полное содержание». Всё равно ведь этим кончится, как история Бена Гана, который, в итоге, пришёл привратником к доктору Ливси.

– А ты уже предполагаешь, к кому можно обратиться с продажей этого ероплана? – спросил я Сержа, отгоняя от себя нехорошие, да и не вполне честные мысли.

– Я хотел тебе завтра предложить встретиться с одним человеком. Только предупреждаю – мужик он исключительно здоровый, водку пивом полирует, так что тягаться за столом с ним бесполезно. И ещё, он очень умный и хваткий, так что, несмотря на некоторое его удальство, советую отнестись к нему серьёзно.

Кира

Где-то через месяц нашего виртуального кладоискательства я рассказал о нём Кире. В ней, как и во многих женщинах, вполне уживались прагматик и романтик. Только прагматик обычно был дальновиднее.

– Стало быть, ваши дела так плохи, что вы прибегаете к поискам золота, – совершенно в лоб запулила она. – Хоть в казино ходить не пробовали...

– Я бы так не сказал, – задумчиво произнёс я. – Сумму долга Сацу возможно перезанять, и даже сделать это у него самого. Только под несколько другие проценты. Нет, здесь дело в другом. Полученная таким образом сумма даст нам независимость.

– Я, конечно, не совсем понимаю, – протянула она, – ни в самолётах, ни в бизнесе. Но что-то подсказывает мне, будто именно это основание для независимости выглядит слишком зыбко.

Мы познакомились, когда Кира пришла в наш салон приобретать ноутбук в качестве гранта какого-то Международного фонда по изучению исчезнувших языков. В то время она работала над диссертацией о взаимосвязях между кельтскими диалектами Уэльса и Бретани. Будучи человеком глубоко гуманитарным и по определению ничего не понимающим в компьютерах, она предпочла заслать вместо себя в магазин свою подругу, офис-менеджера каких-то разбойников на Пречистенке, которая уже три года на своём сервере раскладывала «косынку». Исполненные смысла и компьютерных знаний вопросы этой дамы произвели даже на моих выдавших виды менеджеров такое глубокое впечатление, что они попросили меня посмотреть это шоу. Несколько обронённых Алиной замечаний навели меня на мысль, что она старается не для себя, а для кого-то другого, и я попросил её (возможно, не совсем вежливо) на следующий день прийти с тем человеком, для которого этот ноутбук предназначен по-настоящему.

Кроме того, будучи в не очень далёком прошлом сотрудником рядового российского НИИ, я хорошо себе представлял, какую ценность для подобного человека имеют пресловутые полторы–две тысячи долларов, отпущенные ему «на науку» каким-нибудь западным фондом. И поручать израсходовать их человеку, образование которого заключалось в чтении «Elle» и «Vogue», выглядело достаточно бессмысленно.

Короче, этого неизвестного мне человека мне стало с самого начала жалко.

Кира появилась на следующий день, зябко кутаясь в шубку из норковых лапок, и с робкой агрессивностью попыталась выяснить, почему мы вчера «нахамили» её подруге. Я высказал свои резоны, подчеркнув, что, со слов её же подруги, компьютер предполагался для какой-то работы вполне трудящемуся человеку, но сама подруга впечатления такого трудящегося человека не производила. Попутно я поинтересовался, почему она пришла к нам сама, раз уж, по словам Алины, мы оказались такими хамами.

– Просто я живу совсем напротив, и если что-то в нём сломается, мне будет легко его починить, – сказала это субтильное существо с острым воробьиным носиком и огромными серыми глазами, занимавшими, кажется, не половину лица, а две его трети. – И ещё, Алина сказала, что хоть ваш персонал несколько хамоват, но вы производите впечатление честного человека.

Возможно, инженер человеческих душ Алина и обладала замечательной способностью читать в сердцах людей, но я бы именно на это её свойство особо не полагался.

– Возможно, нам будет проще, если мы будем точнее знать, зачем вам нужна эта «шайтан-машина». Ведь сейчас она для вас выглядит именно так – у вас укладывается в голове обстоятельство, что в этом процессоре, размером со спичечный коробок, умещается три миллиона транзисторов? Итак, пройдёмте ко мне в кабинет, и вы расскажете мне, чем вы занимаетесь, – заворожённо глядя в её глаза, заговорил я. Прикрываться от этого беззащитного, и

оттого обезоруживающего взгляда своей обычной иронией стало поздно. «Благородный дон поражён в пятку». В конце концов, таинственным «нечто» оказался как раз не компьютер...

Выглядели мы довольно контрастно, что Кире очень нравилось: она, с её метром пятьюдесятью пятью, выглядела особенно хрупко по сравнению со мной. А меня мои донские предки отнюдь не обидели ни ростом, ни шевелюрой. До двух метров мне не хватало шести см, а тёмные густые волосы я по привычке вольнолюбивых девяностых завязывал в конский хвост.

Родители Киры, академические учёные люди, наблюдали за нашим романом с некоторой долей предвзятости. Ещё бы – они были солью земли, бессребрениками, положившими всю свою жизнь на алтарь науки, изучая германские и славянские языки. Конечно, их дочери не было чуждо увлечение внешней стороной вещей, и сказало это даже в её работе – ну какой же специалист будет выбирать объект своей специализации так далеко от всех его источников, сконцентрированных в Великобритании и во Франции? Родителям не приходило в голову, что лингвистические штудии Киры выросли из увлечения Толкиеном и Желязны, и что глянцевого женские журналы она читает, мягко говоря, с не меньшим удовольствием, чем литературу по специальности. Я же со своим вполне средней руки компьютерным салоном казался им законченным буржуем.

Возможно, я казался таким и самой Кире. Я называл её «сверхпереучившейся толкиенисткой», а она меня – «елизаветинским купцом».

– Каждый купец нашего времени в душе – пират. Он в любую минуту готов закрыть на лопату свою лавку и выйти в море на «Золотой Лани».

– Угу, – подзаводил её я, – вон у Алинки приятель пират даже не в душе, а в жизни. Пират типа бандит.

– Ну и что, – не сдавалась Кира. – всё равно это хорошо! Он хочет сделать что-то, что вырывает его из этого социалистического заповедника – ведь в нём до сих пор живёт две трети страны! Гарантированные зарплаты, карьера, пенсия – при полном нежелании что-то сделать самому. А люди уходят в бизнес, в бандиты, в сказку, в конце концов! Ведь и бизнес и бандиты становятся сказкой. А я – так уж тебе повезло – профессиональная сказочница.

– Не сказочница, а изучательница сказок, – назидательно сказал я.

– Ну да... Изучательница... Но ведь для того, чтобы их складывать, их сперва надо изучать.

– Да вряд ли. Изучать – это мания современной эпохи. Никакие гомеры сказок не изучали.

– Да что ты можешь знать про гомеров? Всё это было две с половиной тысячи лет назад!

– Не могу, – согласился я. – Но и ты не можешь. Именно потому, что это было две с половиной тысячи лет назад. Вот у нас приватизация вся Русь прошла – десять лет едва минуло, а уже ничего не понятно. И тем не менее ты, изучательница сказок, продолжаешь считать нашу авантюру с самолётом «зыбким делом»?

– Ну, видишь, – немного смутилась Кира, – ваш самолёт – он ведь из прошлого. Такого прошлого, в котором ни тебя, ни меня не было. А значит, он мне, женщине, кажется намного более нереальным, чем жизнь какой-нибудь Кайли Миноуг, о которой я читаю в *Cosmopolitan*. И уж тем более булочная на нашем перекрёстке.

– Вывоз этого самолёта, если всё сойдётся, даёт тысячи процентов прибыли. Любой бизнес с такой прибылью является бизнесом не просто повышенного – сверхвысокого риска.

– Ну я же говорю – пират! Как я тебя люблю! – И она вытянулась всем своим невеликим росточком, пытаясь найти мои губы.

«Всё равно это хорошо», – продолжала говорить Кира при каждом удобном случае. Вот такая она была...

Игорь Ухонин, он же – Ух

С Серёгиным гением авиации мы встретились у него в офисе. Эта была пристройка к обычной многоэтажке, о четырёх комнатах, с ведущей вверх лестницей, которую охранял инвалид-афганец. Судя по всему, офис служил Ухонину и жильём.

Игорь Ухонин оказался очень молоджавым человеком среднего возраста – это потом я узнал, что ему около пятидесяти, с крепко сбитой поджарой спортивной фигурой. Судя по всему, относительно недавно волосы у него были рыжие, однако на сегодняшний день он поседел – так, как часто седеют рыжие люди, – то есть волосы его посеребрились в случайном порядке по всей голове, отчего голова приобрела... несколько сивый цвет. Рыжей осталась лишь щёточка усов, которой он смешно шевелил во время разговора, будто бы пережёвывая попавшие в рот мысли. Усики делали его похожим на офицера британской армии конца XIX века, как их было принято изображать в советских кинофильмах. Серые глаза, как осколки толстого стакана, широкие ладони и тонкие кисти фехтовальщика.

– Ух, – сказал он, протягивая руку.

– Устали на тренировках? – Серж просветил меня, что Игорь – футболист и даже тренер какой-то любительской футбольной команды.

– Нет, это фамилия моя – Ухонин. А для своих – Ух.

И после этого я никогда, даже в мыслях, не звал его Игорем. Ух умел держать дистанцию так, как её держат немногие. А ещё мне показалось, что он ярко выраженный перфекционист. Если Ух не мог в чём-то достигнуть высшего уровня, то не брался за это никогда. Кроме того, было у него очень важное качество, характерное для лётчиков в целом: он умел отличать главное от шелухи.

– Итак, насколько я понимаю, вы знаете, где лежит самолёт времён Второй мировой войны, имеющий большую рыночную стоимость, – начал Ух совершенно официальным голосом командира эскадрильи, которым он, собственно говоря, и являлся.

– Немного не так, – хмыкнул Серж. – Мы обладаем информацией, которая может помочь его найти.

Ухонин смотрел на нас с нескрываемым весельем.

– А что вы знаете о Севере, благородный дон? – благодушно спросил он голосом дона Рэбы. Неожиданно он развернулся в вертящемся кресле и ткнул пальцем в здание на другой стороне площади.

– Сколько метров до угла этой шестнадцатэтажки? – резко спросил он.

– Да сколько... – смутился Серж. – Километр... Полтора...

Ух казался полностью удовлетворённым.

– До угла той «свечки» – там, где вывеска магазина, – триста пятьдесят метров. Треть километра, если точнее сказать.

Он вынул из ящика стола чёрный предмет с двумя объективами, похожий на недоделанный бинокль.

– Это немецкий дальномер «Лейка», – пояснил он. – Километр будет до того дальнего крана, – он ткнул пальцем в башенный кран на краю горизонта. – Можешь проверить.

– На хрена мне проверять-то? Прикинь! – изумился Серёга.

– С какой точностью в километрах ты знаешь, где лежит аэроплан? – хмыкнул Ух.

– Ну-у-у... Я даже вопросом таким не задавался... – промямлил Серж.

– Понятно. Теперь слушай сюда. И смотри. – Он снова развернулся и ткнул пальцем в противоположную от окна стену офиса, сплошь увешанную дипломами и свидетельствами на самых разных языках – от английского до арабского.

– Я поднял в воздух тридцать один самолёт, – сказал Ух голосом профессионального обвинителя на Нюрнбергском процессе. – В среднем на каждый самолёт я потратил девяносто дней рабочего времени. Только на то, чтобы восстановить его до лётного состояния. Из них сорок дней уходило на подбор документации. Дней двадцать – на составление реестра недостающих запчастей. Дней двадцать – на их изготовление по всему миру. И десять дней – на собственно ремонт. Компьютерщик, сколько будет дважды два – знаешь? Сколько дней в этом расписании у меня осталось на поиски самолёта?

– Ни одного. Конкретно, – мрачно сказал Серж.

– Абсолютно правильно, – так же мрачно продолжил Ух. – Потому что я всегда знал, где их искать с точностью до ста метров. А ты говоришь о самолёте, лежащем в месте, где ты никогда не бывал, со слов человека, не владеющего картой, и хочешь сделать на этом деньги! Я тебе не скажу, что так не бывает – так говорят слишком многие. Когда я делал свою «Аэрокобру Лтд», мне тоже говорили, что так не бывает. Ты просто имей в виду, что когда ты говоришь – «радиус двадцать пять километров» – ты имеешь в виду круг по пятьдесят раз как до того крана, на котором помещается чёртова уйма деревьев, кустов, речек и самых настоящих гор. А теперь ты скажи мне, сколько в сумме ты сегодня прошёл метров пешком по асфальту?

В этот момент Серёга надулся, и я даже решил, будто он обиделся. Однако это было не так.

– Ух, прикинь, я и так всё знаю, – выпустил он. – Но давай поглядим на всё с другой стороны. – В этот момент Сергей ловко щёлкнул мышью и вызвал сайт *Aircombat.com*.

– Так вот, орлы, – хмыкнул Ух, – когда мы собирались встретиться, я хотел предложить вам за точку падения вполне определённую сумму – пять штук баксов.

– Пять тысяч! За место, где лежат восемь лимонов!

– За место, где *вы думаете*, что лежат восемь лимонов. Почувствуйте разницу. Сайт – это не контракт, бизнесмены хреновы. Кто угодно может написать на компьютере что угодно и пустить в эту бездонную Всемирную сеть. Но! На моей памяти ни один самый редкий ероплан не стоил «всухую», на территории бывшего СССР, больше полутора миллионов.

– Так вот, ребята, – тем же прокурорским голосом продолжил Ух, – выслушав вас внимательно, я про себя решил – ни цента я вам не предложу. На таких условиях не продаётся ничего. Но байку вашу я послушаю...

Историю Ух выслушал, вопреки ожиданиям, очень заинтересованно и не перебив ни разу. Дослушав, облегчённо сказал:

– Ну, как я и ожидал – найти его нереально. Можно пять лет убить на поиски. Между Орхояном и Хохотском, говорите? Там триста километров такой местности, будто чёрт её месил. А мил-друг, сиз-голубь, этот инженер ваш ничего не путает? В тех краях я про упавшие аэропланы даже не слыхал. Вот севернее – да, возле полуострова Лисянского ТБ-3 лежал... И ещё один, в верховьях Ини...

– Да, лежали, – сказал Серж. – Только, прикинь, их обоих уже подняли и увезли. Один сейчас летает в Орегоне, второй на Украине.

– Вот видишь, – удовлетворённо сказал Ух, – ты даже знаешь, кто их поднял и когда.

– Я знаю даже, сколько конкретно потратили на поиски и вывоз, – самодовольно заметил Серёга. – Всё до бакса.

– Ну, всё ты знать не можешь. Потому что есть суммы, о которых никто никому ничего не скажет. В частности, сколько получили Госаэроконтроль и таможня. А кто был командиром вертолёта, который осуществлял вывоз?

Сергей сказал.

– Да, – Игорь задумался. – Крепко вы влипли, парни. Стало быть, даже в изучении ситуации вы неплохие деньги вложили. Тысяч пять баксов, точно? В общем, ладно. – Он поднялся

со стула изящным движением гимнаста. – Может, вы правы – только деньги делают деньги. Глухо всё это, по-моему, но тем не менее... Держите меня в курсе!

Мы поняли, что аудиенция закончилась.

– Сергей. – Наверное, я выглядел несколько ошарашенно. – Ты правда уже потратил пять штук на эти дурацкие поиски?

– Шесть с половиной. Прикинь? – мрачно ответил он, поглядев на меня прозрачными, чуть слезящимися серыми глазами. – У меня уже обратного пути нет.

– Конкретно – у нас, – хмыкнул я и начал спускаться по лестнице.

Аэрокосмическое научно-исследовательское агентство (JAXA), Япония

Сегодня утром было совещание по вопросам обмена опытом в аэрокосмических исследованиях стран – участниц ИКАО. В принципе, обмена информацией как такового здесь не было и быть не могло – все концерны, разрабатывающие и производящие такую технику, были максимально заинтересованы в том, чтобы скрывать сведения о собственных разработках и узнавать как можно раньше о провалах и достижениях конкурентов. Поэтому Отдел научно-технической информации занимался, по сути дела, промышленным шпионажем, причём в той или иной мере участниками процесса были все активные сотрудники программ JAXA. Информация черпалась как из открытых, так и из закрытых источников, анализировалась и поступала на стол начальника отдела Коичи Кидо.

Совещания в европейском понимании этого слова Коичи Кидо, как и большинство японских чиновников от науки, не проводил. С глазу на глаз он встречался с теми или иными специалистами, которые, одновременно с основной работой, выполняли его задания. У себя в голове он сводил воедино их рассказы и координировал их действия, отдавая распоряжения так же, как собирал отчёты, – с глазу на глаз. Но сегодня повод для того, чтобы собрать вместе всех штатных сотрудников отдела, у Кидо имелся: необходимо было отметить успехи, достигнутые младшим специалистом Аисукэ Кобаямой, недавно вернувшимся из аспирантуры, которую он закончил в России. Кобаяма блестяще владел русским и английским языками, что бросалось в глаза с первого слова, и, что не менее важно, – корейским. Сотрудничая со студентами, приехавшими на учёбу в Россию из Пхеньяна, ему удалось установить возможное направление исследований «товарищей» из КНДР по конструированию ракетных твердотопливных двигателей. Северная Корея была по-прежнему совершенно закрытым государством и потенциальным противником Японии, поэтому даже слабое обозначение направления их возможных исследований рассматривалось JAXA как огромный успех. А успех должен быть непременно поощрён, и лучше всего поощрить его на глазах у коллег. Тем более что Кобаяма служил в Институте аэрокосмических исследований JAXA всего три года – ничтожный срок, по понятиям японской корпоративной лестницы.

Круг приглашённых на совещание был предельно узок. В него вошли лишь штатные сотрудники отдела, числом шесть, каждый из которых являлся координатором целой сети информантов. И все приглашённые должны были почувствовать честь от того, что их ставят в известность о чём-то, что составляло до этого секрет лишь двух человек на весь отдел.

Намеренное оглашение успехов Кобаямы преследовало и иную цель – координаторы сетей поймут, в каком направлении им следует двигаться, собирая информацию о северо-корейском ракетном проекте. И, движимые честолюбием, похвальным для каждого самурая, они, даже без получения формального приказа, расширят радиус своих поисков и заострят их направления в наиболее вероятных областях прогресса. «Вот так, оказывая честь младшему товарищу и поднимая его на один уровень с более опытными сотрудниками, хороший руководитель повышает эффективность всего отдела в целом», – самодовольно подумал Кидо.

Это было трудно назвать совещанием как таковым. Кидо поднялся, прочитал предварительно написанную речь, в которой накануне, совместно с психологом JAXA, он обрисовал значение информации, полученной Кобаямой, те её аспекты, которые требовали дальнейшего расширения, и трудности, с которыми Кобаяма столкнулся при выполнении задания. Кобаяма в ответ произнёс несколько слов, присутствующие откланялись и покинули кабинет.

Но Кобаяма несколько замешкался при выходе.

Кидо было знакомо это замешательство у молодых людей. Первый раз они почему-то при публичном объявлении благодарности стремились ответить руководителю дважды: вначале публично, а второй раз – с глазу на глаз. При этом во время как открытого, так и закрытого доклада произносились одни и те же слова, только манера произнесения их была иной.

Но сейчас всё было чуть-чуть иначе.

– Я бы не осмеливался беспокоить вас такими пустяками, Коичи-сан, – проговорил Кобаяма, красный от смущения, – но сегодня вы были так добры ко мне...

– Не тревожьтесь, Кобаяма, не надо благодарностей. Что вас беспокоит на этот раз?

– Я даже не знаю, что сказать... Два года назад, перед командировкой в Россию, вы поручили мне смотреть за сайтами русских фанатиков авиационной истории...

– Ах, эти смешные люди, – на деле Кидо ещё раз отметил способность Кобаямы ничего не забывать, непревзойдённое качество шпиона. Он рассмеялся отрывистым сухим смехом. – Таких людей очень много по всему Западу. – Россию в Японии считали неотъемлемой частью Запада, хотя сама она в этом постоянно сомневалась. – Вы до сих пор следите за их активностью? Наверное, немало потешаетесь над их амбициями? Я уверен, вы хотите рассказать мне кое-что забавное!

– Как всегда, вы правы, Коичи-сан, – улыбнулся Кобаяма, – речь идёт именно о таком забавном случае. Несколько недель назад в американском секторе интернета был зарегистрирован новый сайт. Там обсуждаются возможности приобретения восстановленных машин военного времени, иногда за очень большие деньги. Но самая большая сумма была предложена за самолёт, в котором настоящий знаток авиастроения сразу бы признал «Тачикава Ки-77» – сверхдальний аэроплан, построенный *Асахи симбун* для перелётов в 1942 году...

– И за что его приняли фанатики авиационной истории? – безразлично спросил Коичи-сан.

– Они назвали его «Invader FA-26 C Strato Scout» – американским самолётом-разведчиком.

Первой мыслью Кидо было посмеяться над забавной историей, лишний раз подчёркивающей глупость западных варваров, но что-то в ней было... Что-то, из-за чего эту историю сейчас рассказывают ему, начальнику отдела научно-технической информации, и уже сейчас потратили на неё семь минут его драгоценного времени.

– Ты говоришь, они предлагают за него деньги? Деньги за самолёт, который неправильно определили? А ты уверен, что это на самом деле «Ки-77», а не американский разведчик?

– Я работаю в JAXA, Коичи-сан.

– И люди на этом сайте настолько глупы, что готовы заплатить за этот неправильно определённый самолёт большие деньги?

– Восемь миллионов долларов, Коичи-сан.

В первый момент Коичи-сан подумал, что ослышался.

Восемь миллионов долларов за неправильно определённый самолёт? Нет, Кобаяма определённо не зря рассказывает ему эту историю. И судя по всему, он пока не рассказал её до конца.

– И что, кто-то предложил им такую машину?

– Коичи-сан, таких машин, если это действительно «Ки-77», было построено всего две. И эту машину действительно предложили купить на этом сайте. Какие-то русские нашли её в горах Сибири. Они, правда, сами её не видели – просто завладели информацией о месте, где она находится.

– И о том, как она выглядит, не так ли?

– Коичи-сан, это на самом деле очень необычный самолёт.

Тут Кидо услышал, как в голове у него настойчиво зазвучал буддийский колокольчик, напоминающий о чём-то важном и тем не менее – далёком...

– Но на сайте его обозначили как американский стратосферный разведчик?

– Коичи-сан, сайт был создан уже после того, как нашедшие самолёт русские начали искать о нём информацию. И искали её не меньше месяца. Более того, по моему скромному мнению, он был создан специально для того, чтобы они на него натолкнулись. Теперь русские делают всё, чтобы вывезти его из сибирских гор.

– А кто создал этот сайт?

– Его зарегистрировала какая-то малоизвестная американская общественная организация, собирающая старинные военные самолёты. Но обращает на себя внимание другое – сайт был создан с применением новейших средств криптозащиты, и даже попытки Наоми Суроки проникнуть внутрь него не увенчались успехом.

– Вы потратили рабочее время Наоми на разгадку дурацкой американской шутки? – грозно нахмурился Кидо, хотя в глубине души был уверен – Кобаяма был абсолютно прав: американцы хотят купить у русских самолёт, но так, чтобы русские не догадались, что они продают? Но так не бывает, когда русские начнут демонтировать самолёт, они неизбежно поймут, с чем имеют дело. Тогда, значит... американцы вовсе не хотят его покупать! Они просто хотят узнать его местоположение!

– Успокойтесь, Кобаяма-сан, – Коичи несказанно поднял Кобаяму в его собственных глазах, – вы всё сделали правильно. Вы уверены, что хозяева сайта действительно американцы?

– Сайт зарегистрирован в американском секторе интернета. Но, как я уже имел честь вам доложить, все попытки проникнуть в него не увенчались успехом.

«А Наоми Суроки считается одним из лучших взломщиков сайтов, – напомнил себе Кидо. – И мощь программного обеспечения и компьютеры ей предоставляет самое высокотехнологичное агентство современной Японии».

– Благодарю вас за интересный рассказ, Кобаяма-сан, – милостиво отпустил молодого сотрудника Кидо. – Составьте, пожалуйста, письменный доклад. Возможно, мы позабудемся с коллегами в баре.

Когда Кобаяма ушёл, Кидо прислушался к его удалявшимся шагам. Затем плотно закрыл дверь и набрал телефонный номер.

Кира

Кира не была набожным человеком, но раз в две недели обязательно посещала службу в Калитниковской церкви. Правда, её подруга Алина утверждала, что в храме давно уже нет подлинной благодати, но Кире казалось, что если она, эта благодать, где-то и осталась, то это в таких маленьких старых церквях. «Когда я захожу в совершенно новый, сверкающий только что нарезанным гранитом храм, – признавалась Кира, – меня не оставляет ощущение, что я стою внутри краденой вещи. Потому что как иначе назвать что-то, построенное на деньги главы администрации, директора рынка и сотрудников ГИБДД?»

– А ты думаешь, эти маленькие храмы не были выстроены кровопийцами или мироедами?

– Ты знаешь, Витя, конечно, да. Но понимаешь, столетиями в них молились люди. И далеко не все были они неверующими или равнодушными. Среди них были отчаявшиеся или истово религиозные. А ещё были настоящие подвижники. Их голос достигает Господа отовсюду. И их стараниями храмы очищались от присущей им изначально скверны.

Сегодня я послушно ожидал окончания службы в машине. Мимо шли граждане, тащившие в мешках и клетках самых разнообразных животных: щенков, котят, поросят декоративной и не очень породы, попугаев, канареек, уток, гусей и кур. Шествовали собачьи барышники со своими откормленными до центнера сенбернарами и московскими сторожевыми, догами и чау-чау. Московский Птичий рынок заканчивал свою работу.

Кира скользнула в машину из сгущавшихся сумерек, как всегда, будто материализовавшись из городского Ничто.

– Господи, как жалко мне этих всех несчастных зверей, – проговорила, а точнее – пропела она. – Я никогда не бываю на этом рынке – мне кажется, что я бы могла забрать оттуда домой всех этих котят и щеночков. А потом разорилась бы на их пропитании и умерла. И они тоже погибли бы без меня с голоду.

– Кира, – взмолился я, – и почему твои истории всегда с плохими концами?

– Они не с плохими, они с реальными концами. А реальный конец в России – он всегда безрадостный. Вот посмотри, сколько скверных детективов продаётся по всем углам. А ведь они неплохо и гладко написаны, но ведь читаешь их, и дурацкое ощущение в финале остаётся.

– ?

– Понимаешь, они все хорошо заканчиваются. А у нас в России детектив не должен заканчиваться хорошо. Просто не может. По определению. Если ты – честный милиционер и раскрыл преступную шайку (Кира из принципа не произносила слова «мент»), то тебя или администрация какая-нибудь, города или района, сживёт со свету, или бандиты убьют, или собственные коллеги, которые этих бандитов покрывали, жить не дадут. А если ты – честный детектив или гражданин с такими наклонностями – за правду бороться... – Она махнула платиновыми, коротко стриженными волосами и убеждённо закончила: – Тогда лучше просто удавиться. Или бежать куда глаза глядят. За границу какую-нибудь. Да ладно, что-то я расфилософствовалась, дура. Поедем в кино, глупость посмотрим какую-нибудь...

– Да, Кира... Довели тебя сказания друидов до парадоксального мышления. На свете всё хорошо. И всё плохо кончится.

– Да, Витя, ты абсолютно прав. Именно так. Всё – хорошо. И всё – плохо кончится. Вопрос только в одном – рано или поздно.

– Ты хочешь куда-нибудь пойти? В клуб?

– Кто же идёт в клуб после храма? – Кира смотрела вперёд, сквозь стекло, и глаза её, казалось, ничего не видели. – Давай, Витенька, останови машину. Хочу пройтись немного пешком, поглядеть на людей... Что-то я уже давно на людей вблизи не глядела...

Мы встали на Николоямской. Вокруг нас громоздились обломки Замоскворечья, перемешанные с современными стеклянными кубиками контор и комодами сталинской Москвы. Я знал, что она любила эти тихие московские переулки. «Мы оба – люди мёртвого мира. Ты работаешь с бездушными машинами, я – с мёртвыми языками. Иногда мне просто хочется посмотреть на живых людей – просто для того, чтобы понимать, что мы оба сделали правильный выбор».

Жёлтые, в мотыльках снежинок фонари, росчерки автомобильных огней, люди с сосредоточенными, напряжёнными лицами, идущие навстречу или обгоняющие нас, слякоть под ногами, несущиеся отовсюду трели мобильных телефонов... Неожиданно Кира остановилась и, закинув голову, произнесла:

– Посмотри! Ночью над Москвой нет неба.

На самом деле, висящее над городом одеяло облаков, автомобильных выхлопов, дыма электростанций, пара бесчисленных бойлерных, испарений со свалок и дыхания миллионов людей было подсвечено снизу светом огромного города, и из-за этого создавалось впечатление, что Москва накрыта огромным полупрозрачным куполом, сияющим рассеянным оранжевым заревом.

– Города под куполами. Была раньше такая фантастика.

– А мне кажется, что я – в желудке огромного зверя.

И в этот момент зазвонил мобильный телефон. Я с раздражением взял трубку. Номер на табло был мне незнаком.

– Алло, Виктор? Я Игорь Ухонин, для своих – Ух. Ты можешь говорить?

– Ну да. Могу, – немного растерянно произнёс я.

– До Сергея дозвониться не могу. У меня есть для вас новости. И не все они плохие.

Финикс, Колледж-роуд, 1600, офис **Aircombat International Society**

Саймон Клаутер уже полтора часа находился в офисе организации, которая, судя по многочисленным фотографиям и девизам, занималась историей авиации времён Второй мировой войны. Найти офис было очень легко – он располагался в бывшем самолётном ангаре, так, как любят располагаться военно-исторические авиационные клубы по всему миру. Вначале ему надо было лишь задать некоторые вопросы, касавшиеся американского самолёта-разведчика, невесть откуда появившегося в сибирской тайге. Саймон многократно работал с рисковыми парнями из России – это был хороший бизнес, даже когда он становился не совсем политкорректным – как поставка самолётов «Ан-2» на имя подставных фирм в Панаме и Гондурасе. Положа руку на сердце, Саймон был практически уверен в том, что сегодня эти тихоходные и грузоподъёмные бипланы возят кокаин и марихуану на уединённые ранчо в Нью-Мексико и Калифорнии. Ну что же, по крайней мере, при заключении сделок он не нарушал никаких законов, верно?

Коллекционеры исторической авиации, в понимании Саймона, относились к категории *dudes* – простаков с изрядной долей сумасшедшинки. К сожалению, простаки это тоже понимали и отгораживались от дельцов, подобных Саймону, с помощью опытных трейдеров и юридических консультантов. Но здесь, в *Aircombat International* пока не пахло ничем подобным. Это было точь-в-точь как приоткрытая дверца в курятник для лисицы.

– Мы – довольно молодая организация, – вещала Саймону молодая блондинка типичного для американок возраста, определяемого интервалом между двадцатью пятью и пятьюдесятью пятью годами, – но все мы – старые патриоты авиации. Кого-то из нас не устроили *Chicago Falcons* или *Immortal Eagles*. Так что мы решили создать новую негосударственную организацию, посвящённую военной авиации, совершенно свободную от бюрократии и участия в тех грязных играх, которые сопровождают каждое аэрошоу в нашей стране.

– Кроме того, – бубнил в другое ухо здоровенный пузатый неопрятный волосатый тип, с серьгой в левом ухе, – мы считаем, что надо изменить правила игры для аэроклубов, когда все сливки снимаются несколькими структурами, имеющими негласную правительственную поддержку.

Саймону была хорошо знакома подобная риторика. Время от времени недовольные *dudes* из различных организаций пытались выйти из-под контроля большого бизнеса и поменять правила игры. Чаще всего эта новая структура становилась в ряд со всеми теми организациями, с которыми собиралась бороться. В противном случае, она пополняла ряды маргинальных микроорганизаций, которых в Соединённых Штатах всегда было пруд пруди – от Союза в защиту желтобрюхих жерлянок в террариумах Южной Каролины до Общества по утилизации сбитых ежей на шоссе Монтаны.

Но у *Aircombat International*, судя по переписке с Игорем Ухоным (и как только эти люди могут носить такие имена!), была одна черта, мимо которой Саймон никак не мог пройти. Они были готовы платить авансом за товар, которого не видели! Более того, который никто даже не щупал руками!

– Вы знаете, кроме того образца «Invader FA-26 C Strato Scout», который лежит в России, я могу предложить вам и «Фокке-Вульф-190» из болот Белоруссии. Самолёт замечательно сохранился в торфянике и с транспортировкой его на территорию Польши также не возникнет никаких проблем.

Блондинка гримасой показала ему, что не желает иметь ничего общего с финансовыми вопросами организации.

– Вы знаете, я и Грэгг, мы определяем стратегию. А Макс – он отвечает за финансы и обеспечение экономической дееспособности нашего движения. Так что вам лучше обратиться прямо к нему.

Саймон весь подобрался. Ага, стало быть, dudes не так просты и на этот раз! Сейчас он, скорее всего, встретится с таким же юридически-финансовым койотом, каким был и сам Слаутер.

Но Макс оказался совершенно не таков. Да, он настоящий патриот истории американских военно-воздушных сил. Да, ему горько осознавать, что образец самолёта, изготовленного всего в пяти экземплярах, разрушается от ветра и снега на тихоокеанском побережье России. Да, его организация имеет спонсоров, готовых заплатить восемь миллионов полновесных долларов США за этот самолёт – даже в разобранном состоянии, пусть он только покинет пределы Евразии.

В этот момент Саймону показалось, что Макс говорит по-английски с каким-то акцентом – немецким или русским. Но в США две трети людей говорят с каким бы то ни было акцентом, а десять процентов населения не говорят по-английски вообще. Поэтому Саймон пропустил это обстоятельство мимо ушей.

Пропустил он его главным образом потому, что Макс Гретцки сказал:

– Наша организация готова авансировать поиски и транспортировку самолёта к месту его идентификации. Мы навели справки о компании мистера Ухонина (Слаутеру снова показалось, что Макс почти безупречно произнёс это непроезжимое для стопроцентного американца имя), которую в США представляете вы, мистер Слаутер, и можем перевести первый платёж в сто тысяч долларов на её счёт в течение десяти дней.

Сто грандов в качестве первого платежа! И восемь миллионов в перспективе! В этот момент Слаутер был готов зажмуриться, если бы у Макса отросли рога и хвост, а сам он покрылся б зелёной шерстью.

– О'кей, Макс, – Саймон поднялся со стула, – стало быть, встречаемся завтра в одиннадцать? А до этого времени я проведу переговоры со своим русским партнёром. Вы, конечно, понимаете, всё это – формальность, я имею пакет доверенностей для того, чтобы действовать от его имени, но...

Выходя из дверей ангара, он едва не столкнулся с невысоким человеком в чёрном костюме, неопределённого возраста и восточной национальности.

Супермены и бизнесмены

Утро следующего дня не ладилось совершенно. Словно в продолжение церковной темы, в салоне появился приходской батюшка в полном боевом облачении. Я было решил, что он появился просить скидку на установку локальной сети в центральном офисе прихода – его секретарь уже две недели вёл с нами вялые переговоры о её монтаже. Но я снова ошибался. Батюшка пришёл в салон, радея о нашем с Сержем бизнесе, будто ему, чёрному ворону, было известно о наших затруднениях с финансами. Батюшка предложил по сходной цене провести освящение, и когда я узнал порядок этих сходных цен, то тихонько охнул.

Выставить просто так вымогателя в рясе я не мог, тем более, он когда-то учился в МИФИ курсом младше меня, и мы были почти что знакомы. Сдуру я сказал ему, что салон располагается в научно-исследовательском институте, гнезде атеизма и рассаднике безбожия. И за службу в здании я вполне могу лишиться выгодной аренды.

Но служитель культа метко отбрил меня тем, что весь институт, стараниями его зам. директора по строительству, освящён уже четыре года назад, и наш салон образует зияющую язву неверия на фоне всеобщего православного благолепия в кибернетической науке Российской Федерации.

Соперничать в казуистике со священнослужителем мне оказалось не под силу. Я обещал подумать. Но день уже был окончательно испорчен.

Отразив религиозную экспансию, я уже принялся обсуждать продажи с обер-менеджером компании, хитроватым торговцем Колей Семёновым, которого все в обиходе звали по имени популярного персонажа мультфильмов – Хрюнделем, но тут в дверях возник районный эколог, который просил выбрать ему компьютер для подрастающей дочери. При этом канючил скидку, естественно. Зная на практике, что опытный эколог способен принести любому бизнесу не меньше неприятностей, чем пожарник или санэпиднадзор, я мгновенно отрядил Хрюнделя ему на помощь. И, с болью в сердце, вычеркнул всю прибыль ещё с одной продажи.

За день других значительных неприятностей не произошло, но предстояла встреча с этим приятелем Сержа, торговцем подержанными самолётами, а мне страсть как не хотелось на неё идти. Уж слишком сильно отличался его мир – мир мгновенных решений, неожиданных перебросок, торговли информацией по всему свету – от мира размеренных поставок, неторопливых продаж, просчитываемой динамики розничной торговли. Вот бы Серж и общался с этим экс-полярным лётчиком, раз он тоже лётчик в душе!

В принципе, Серж был человеком умным и хорошо чувявшим выгоду, но только несколько... импульсивным, наверное. Учился он в институте на пять лет моложе меня, и мы по-настоящему познакомились, только когда его, молодого студента, прикрепил ко мне, в то время уже аспиранту, всё тот же Сац. Несмотря на в общем-то небольшую разницу в возрасте, он казался гораздо моложе меня, – не только из-за небольшого роста и несколько субтильного сложения. Серж постоянно бравировал этой своей молодостью, и даже на деловых встречах вовсю использовал несказанно раздражавший меня молодёжный сленг. Но, как бы то ни было, язык у него был подвешен исключительно хорошо, что и сделало из него главного переговорщика в компании.

Уговорила меня опять же Кира.

– Почему ты не пойдёшь с Серёжей? Он обидится, да ведь и тебе это нужно не меньше, чем ему. Вы тонете в вашей гнусной торговой реальности. А встречи с такими людьми, именно потому, что они занимаются невероятным, с точки зрения здравого смысла, делом, являются проколами этой реальности, дают пищу фантазии. А фантазия будит ум и очищает кровь. Хотите, я с вами пойду, очень мне хочется поглядеть на этого полярного супермена.

– Ну уж шиш, – мрачно сказал я. – Наша гнусная торговая реальность даёт кусок хлеба с куском масла и ветчиной не только Сергею и мне, но ещё и тебе, и довольно большому количеству народа. А что касается экс-полярного лётчика, то я отметил, что он на встречи приезжает и уезжает на такси. У него даже машины своей нет!

Но мысль о проколе реальности действительно засела в моей голове. Действительно, все по-настоящему решительные прорывы в бизнесе на моей памяти приходили с совершенно неожиданной стороны. Правда, чаще всего этот прорыв связывался с тем, что кто-то где-то находил возможность безнаказанно украсть. Но ведь так создались все большие состояния в современной России, не правда ли? Но в последнее время мне приходилось наблюдать и вполне цивилизованные варианты развития бизнеса, и эти, новые компании, уже могли похвастаться совершенно чистой историей капитала.

Ух подъехал к кафе на какой-то машине приятелей и бодро зашёл в зал, отметив про себя уединённость нашего столика.

– Итак, – я подчёркнуто не стал звать его кличкой, – у тебя были для нас какие-то плохие и хорошие новости.

– Умей ставить нужные вопросы в нужном порядке, парень! – сказал Ух, и я снова понял, насколько он может быть въедлив и дотошен, несмотря на подчёркнуто офицерскую внешность. – Новости у меня сперва хорошие, а потом плохие.

– Стало быть, так. Мой лоер и партнёр в Америке встретился с этими вашими суперменами и патриотами американского оружия, убедился в том, что они существуют и заинтересованы в поиске и подъёме самолёта. Это уже хорошо. Но есть и ещё более хорошая новость, почти даже невероятная, хочу заметить. Я, по крайней мере, в своей десятилетней практике с таким не сталкивался никогда. Они готовы не только купить самолёт, что называется, «на корню» – они готовы инвестировать деньги в его поиски. И не просто готовы, а даже первую часть суммы, где-то двадцать тысяч долларов, они перечислили на счёт моей конторы. Так что надо работать, и работать быстро. Судя по первым признакам, как сказал мой лоер, денег у американцев – как у дурака махорки, и, скорее всего, их субсидирует какой-нибудь малахольный миллиардер. Поэтому, тебе, Сергей, придётся с этим вашим геологическим Беном Ганом лететь в Орхоян. А вот с этого момента начинаются плохие новости. – Стало понятно, что он заранее прорепетировал то, что нам скажет. В первые встречи меня страшно раздражала его манера рисоваться. Уже позже я понял, что это аффектированная манера общения особой категории полярных лётчиков – юберменшей, суперменов, воспетых многочисленными советскими писателями, поэтами и песенниками. – Вам, ребята, крупно не повезло.

Игорь поморщился. Судя по всему, ему было неприятно прикосновение совсем новых людей к делу всей его жизни.

– В Орхояне нет людей, которые разбираются в самолётах, кроме тех, что работали в местном аэропорту. На моей памяти не было, по крайней мере. Сейчас там, кстати, и аэропорт закрыли. Но вам на первых порах и не нужны такие люди. Первое, что вам надо, – это найти самолёт.

Он скептически поглядел почему-то на меня. Так, наверное, большой седой пёс глядит на щенка, собравшегося первый раз твякнуть и взвизгнувшего вместо этого.

– Но именно в Орхояне есть человек, который вам поможет, – продолжил он, насладившись эффектом ожидания, и я с отвращением подумал – вот как же любят люди разыгрывать из себя Бога даже по самому ничтожному поводу! А что если этот повод окажется большим?

– Человека этого найти там легко – он там такой один. Его зовут Зим. Московский журналист. Устал от этого бедлама, уехал на Север. Был начальником метеостанции. Человек он надёжный, но сложный. Сейчас возит туристов на охоту. Занимается экстремальными турами. В середине лета у него вроде бы дырка в делах. Вы ему заплатите, и он вами займётся. Не думаю я, что без него у вас что-то выйдет – он территорию изучил очень хорошо, знает там

всех охотников, рыбаков, оленеводов, если там таковые ещё остались. В чём я лично сильно сомневаюсь. Он знает где и почём нанять вездеход или вертолёт, подсобных хмырей каких-нибудь, чтоб следили за лагерем.

– И сколько же, по-твоему, мы должны ему заплатить? – ехидно спросил я.

– Да сколько попросит, – безразлично произнёс Ух. – Там у вас особого выбора не будет. Его личный гонорар составит, скорее всего, тысячи три долларов. Это я так, фантазирую. Кстати, ты сильно не расстраивайся – башляют американцы, поэтому мне сегодня-завтра нужны ваши реквизиты для перевода денег. В Орхоян позвонить очень сложно – там телефон работает всего шесть часов в неделю. Вы ещё и попадать туда будете неизвестно как. Это раньше он был столицей района, а сейчас – это дыра посреди земли. Одно советую. Как хотите, но начинать эту авантюру вам надо именно сейчас. Если вы найдёте самолёт до середины июля, я прилечу туда сам и привезу ремонтную бригаду. А пока все наши действия – на уровне сотрясения воздуха.

– Так-таки и не позвонить? А этот ваш турагент, он что – посредством телепатии клиентуру находит?

– Да много ли ему надо этой клиентуры, – хмыкнул Ух. – Но в одном вы правы. Связь с ним, конечно, есть. Но только связь эта односторонняя. Есть у него спутниковый телефон. Архиважнейшая штукенция, как сказал бы один персонаж недавнего прошлого. Но по этому телефону может позвонить только он, и в очень редких случаях можно позвонить ему. Не любит он, чтобы люди ему звонили. Он вообще людей не очень-то любит.

– А женщин-то он хоть любит? – попытался съёрничать Серёга.

Ухонин шутки не принял.

– Он любит ламутов. Оленеводов. Есть там такой народец, Богом забытый. Раньше они все в колхозе оленей пасли, а колхоз рассыпался и все на воле оказались. Что делать с этой волей, у них знали одни старики, которые ещё доколхозную жизнь застали.

– Блин, якуты какие-то... А я думал, что оленеводы – это чукчи...

– Дикие вы, – усмехнулся Ух. – Оленеводы есть и чукчи, и коряки, и тунгусы, и ненцы, и эти ламуты. Якуты коневоды, кстати. Пришли под напором кочевников из Центральной Азии, сейчас тибетскую письменность ввести требуют. Якутами местных назвать не смей – якуты для них завоеватели, хуже русских, они, когда ламутские и тунгусские земли в Якутию включали, такое оякучивание произвели – не дай Бог. Все, кто нерусский, были мигом в якуты записаны, то есть – роды, племена свои потеряли. И за это ненавидят эти северные инородцы якутов лютой ненавистью. Усёк? Нет там якутов. Ламуты там. Кстати, если вы с Зимом там будете работать, то всенепременно их встретите.

– С Зимом?

– Зимгаевский он. Александр Александрович. А чтобы длинно не кликать – просто Зим.

– Стало быть, Зим – друг индейцев...

– Зим – друг только самому себе. Ну и мне немного.

– А ты – ему?

– Я? – вскинулся Ух. – А вот я Зиму такой друг, что скажи он – давай Кремль подорвём – пойду с ним не задумываясь. Но это так. К делу не относится. Точнее – не ваше это дело. Так что, звонить мне ему или нет?

– Ну, собственно говоря, выбора у нас нет никакого, – протянул я.

Ух поднялся и неожиданно вышел из кафе. – Да, вот оно как, – протянул Серж, – в ту, первую встречу я думал, что он нам не поверил.

– Занятный он тип, – заметил я, – своих агентов в Штатах имеет. Только вот больно он эдакий...

– Суперменистый, что ли? Да ведь он лё-о-тчик! Пойми – лётчик! И в прошлом – полярный.

- Ну да. А здесь ещё и этот друг индейцев... Как он там – Дим?
- Зим.
- Зим – друг индейцев. Стало быть, один супермен втуливает нам другого супермена.
- А у нас что, есть выбор?
- Да нет. Просто не слишком ли много суперменов в этой истории?
- Чёрт его знает. Может, они там просто все такие...

Кира

Дома я включил компьютер, зашёл на уже начавший вызывать головную боль сайт и задумался. Я думал об удивительной истории круговорота вещей в природе – вот самолёт, его сперва строили как бомбардировщик, затем делали из него стратосферный разведчик, он летел на войну с немцами в дикую варварскую Россию... И сгинул, не долетев до линии фронта шесть тысяч километров. В начале пути, считай. Лежал под пургами и метелями в каких-то хрен его знает каких горах – и всё для чего? Чтобы какие-то обормоты приехали к нему, разобрали на части и снова вернули туда, где он был построен? Я искренне надеялся, что восстановленного ветерана не превратят в аттракцион для детей или в кабак на колёсах с крыльями. Как это случилось бы у нас. Наверняка. Я вновь вздрогнул, вспоминая «чёрного следопыта», торгующего медальонами-«смертниками». По крайней мере, мы возвращаем историю авиации, в лице этого самолёта, тем, кто её любит...

В дверь позвонили.

У Кире были свои ключи, но она, когда видела зажжённый свет в моих окнах, любила, чтобы я встречал её в дверях.

– Уф, – фыркнула она, как большая кошка, – ну и слякоть на улице!

– Кира, на тебя погоды не напасёшься. Зимой холодно, летом жарко, весной слякотно...

– Что поделаешь, дитя архивов и искусственного климата. Я бы вообще лучше жила в городе, где всё соединено застеклёнными переходами, с кондиционерами и увлажнителями. Понятно, что это неестественно, но нас, людей, давно уже естественными не назовёшь.

В этот момент я вспомнил Ухонина. Вот уж кто мог называться естественным человеком!

– Наверное, не всех.

– Наверное. Естественные люди не живут в городах. По крайней мере, не в больших мегаполисах России.

– Ладно, Кирок, что-то тянет тебя в последнее время на философию. Может, поедем, развеемся? Серж обещал показать свою новую девицу.

– Да я новую от старой и не отличу, наверное. Совсем плохая стала. А развеяться – это поехать туда, где громко и много людей?

– Ну, в общем-то – да. А тебя это что – не очень устраивает?

– Да нет, я сегодня, пожалуй, не против. То есть, я, наверное, даже «за». Позвони Сержу, спроси, куда он хочет, я подумаю, что надеть.

– Да какой-нибудь шалман средней руки, вроде «Аквариума»...

– Ты уверен? Но «Аква» живёт уже лет семь, там всё плесенью покрылось от этой воды. А на плесень у меня аллергия, ты помнишь? Да и своеобразия в нём... Несколько чересчур.

Я вспомнил «Аквариум», где в огромных стеклянных ёмкостях под музыку плавали обнажённые мужчины и женщины, и согласился про себя, что своеобразия «несколько чересчур».

– Ну, сейчас на Ленинградке открылся новый – «Тин-Танк». О нём говорят.

– «Тин»? Для тинэйджеров, что ли?

– Жестяной. Жестяной танк, видишь ли.

– Танк? Ну, это хорошо. В танк, по крайней мере, можно надеть что попало...

Меня всегда восхищала способность женщин выбирать своё «что попало» по полтора часа кряду. Я позвонил Сержу и вызвал такси.

Кира в качестве «чего попало» выбрала струящееся жемчужное платье чуть ниже колен. Неделию назад они выбирали его с Алиной четыре часа кряду, перебивав, по-моему, во всех мало-мальски значимых бутиках внутри Бульварного кольца и захватив как минимум четверть существующих внутри Садового. Покупке предшествовала пятидневная плановая подготовка,

состоявшая из перекрёстных телефонных звонков, консультаций и примерок. При этом покупать собирались платье-шлейф-декольте с обнажённой спиной, а в итоге получилось... Не знаю уж, что получилось, но точно не шлейф. Только Кира сказала, что именно этого она и хотела всю жизнь.

Стало быть, сегодня мы выгуливаем новое Кирино платье.

Серж уже сидел в машине с тоненькой большеглазой остролицей девицей, которую я про себя назвал тощей пучеглазой лахудрой.

– Алиса, – представилась она, жеманно вытянув руку и изогнув её, как для поцелуя.

Кира, во избежание напряжённости, руку тихонько пожала, якобы по-дружески, я же предпочёл не заметить и уселся впереди. Встреча дам, обладающих, по их невольному согласованному мнению, общими достоинствами, чревата как минимум вечером, испорченным для всех присутствующих.

– Ой, Кира, какой у вас могучий кавалер – как Шварценеггер и Desperado в одном лице! Человек-скала!

К счастью, Кира обладала замечательной способностью существовать в двух мирах одновременно – и глубоко внутри себя, переживая и думая о важных для неё по-настоящему вещах, и на поверхности – щебеча о погоде, стразах от Сваровски, косметике и новых кунштюках Димы Зверева.

Когда-то и я обладал этой замечательной особенностью существовать в нескольких измерениях мира одновременно. Но сегодня меня окружала серая промозглая московская действительность, а впереди маячила перспектива безденежья и наёмного менеджества.

Мы подъехали к приземистому, уродливому сооружению с косыми стенами, в которых на разной высоте были прорезаны длинные продольные окна-амбразуры. Из-под крыши уродливыми хоботами торчало несколько вмурованных труб, долженствовавших обозначать пушки. «Что-то он никакой не жестяной, скорее – бетонный», – шепнула мне Кира.

Внутри ресторан был выполнен в стиле известного шоу «Железный капут». Красный тревожный свет струился из-под потолка, фоновым звуком, тихо-тихо, но вполне отчётливо, лились немецкие марши неизвестного периода. Мы устроились под гигантским вентиляем, видимо, свинченным с газовой заслонки какой-нибудь ТЭЦ.

– Клёво! – пискнула, устраиваясь на стульчике, Алиса, стараясь сесть, с одной стороны, поудобнее, а с другой – выставить напоказ свои длинные тощие ноги как можно большему количеству присутствующих. Задача эта в евклидовом пространстве решалась с трудом, поэтому приходилось жертвовать чем-то одним – ногами или удобствами. Ноги победили, и Алиса победно закачалась на краешке сиденья, уцепившись за него одной ягодичей.

– Здесь всё такое новое, и место новое, поэтому тут нет ещё постоянного тусича! Все примеряются только! Вон, Андрюша с Бэллочкой, Ашотик, Зураб-душка, Мурочка и Стелла!

Действительно, видимо из-за относительной новизны места, здесь можно было наблюдать вместе всех основных представителей московской ночной жизни, которые обычно существовали в своих обособленных заведениях – притонах. Были здесь и лощёные бизнесмены чуть выше среднего звена с эскортом, и кавказские воротилы в расстёгнутых белых рубашках, и худенькие, будто свитые из проволоки мальчишки-метросексуалы. Биоразнообразие девиц, которые составляли фон общества, как всегда в таких заведениях, не поддавалось простому описанию. Да и повода для его изучения у меня не было, не говоря уж о том, что в присутствии дамы сердца это выглядело бы просто неприлично.

А Кира разглядывала людей совершенно не стесняясь. Собственно говоря, именно потому она и посещала эти заведения, хотя что она могла вынести из этого созерцания, я так до конца понять и не мог.

Но разглядывать людей она умела, оставаясь внешне совершенно посторонней, – так что её искренний интерес к происходящему не привлекал внимание даже пары знойных брюнетов

через столик от нас – туркменских нефтяников или турецких банкиров, которые глазами обсыпали в зале каждое существо женского пола – с дотошностью улитки, очищающей персик от оболочки.

– Посмотри, – толкнула она меня незаметно локтем, – видишь длинноволосого брюнета в бежевой хламиде – с волосами до плеч и бородкой, словно у д'Артаньяна? Сразу справа от подиума? Это очень модный шаман, Болботун Хорхой, берёт за сеанс не меньше трёх тысяч долларов.

– Хрена себе! А что он делает с людьми, за три тысячи-то?

– Представляешь, он уводит их в верхний мир, и там высшие сущности дают им советы по самым разным вопросам бытия...

– Слышь, Сергей, – толкнул я компаньона, – вот кого надо нанять на поиски самолёта. Великий шаман, Блябатон, сам всё ищет и всё же находит...

– Сам Хорхой! – взвизгнула Алиса. Похоже, она была напрочь лишена способности к нормальному человеческому общению: или повизгивала, или мяукала на препротивнейшем, принятом в нынешнем свете, жаргоне, когда слова произносятся с псевдофранцузским прононсом, а согласные посредине намеренно глотаются. Поэтому «Хорхой» она проговорила «Хаухой», и при этом не преминула сделать гримасу.

– У Хаухоя всеуда тайе сйожниие п'йиходы, – замяукала она с воодушевлением, – ште без йинтейпйетат'га и йазобйатся невийомой'но...

– У Хорхой такие сложные приходы, что без интерпретатора и разобраться невозможно, – перевела Кира эту тираду на человеческий язык. – Любой хранитель тайного знания предпочитает обращаться к сознанию учеников с помощью психоделиков.

– Сэ-э'гж, нам об'язатейно над'о об'ятиться к тайому знанийу! – продолжала мяукать Алиса. – Йето так модно, нам нао куд'а-ййибудь с таб'ой пойти!

– Алис, у меня физматобразование, забыла? – сумрачно отозвался Серёга. – Поэтому я пребываю в абсолютной уверенности, что тайного знания не бывает...

Носитель тайного знания повернул голову в нашу сторону. Его лицо, открытое и дружелюбное, совершенно не вязалось с моим представлением о шаманах как об экзальтированных шарлатанах.

– Ой, кайой же ты йетрогйадный, пйелесть! – Алиса с размаху клюнула Сержа тонкими губами в щёку.

Странно... Прошло уже больше получаса, а модный шаман продолжал в упор рассматривать наш столик. Более того, он разглядывал не наших девушек, что было, конечно, хоть и оскорбительно, но по крайней мере объяснимо.

Он смотрел на меня.

Фашистский марш сменился румбой, и все потянулись танцевать.

Я снова повернул голову к столику Хорхой. Шамана уже не было.

– Хорхой твой танцевать пошёл, – безразлично бросил я Кире.

– Хорхой не танцует, – сказала она, как само собой разумеющееся. – Он бывает в публичных местах для того, чтобы подпитываться энергией и наблюдать за сущностями.

– Что-то ты много знаешь об этом Хорхое, – хмыкнул я. На самом деле в этом не было ничего удивительного – круг Кириного общения был не просто широк, он был невероятен. Кроме того, на него налагался круг общения её родителей – старых учёных-гуманитариев. А уж в него-то входили любые люди, от Ельцина до члена Нобелевского комитета Киришбаума.

– Хорхой в прошлом был очень милым мальчиком Игорем Константиновым, – улыбнулась Кира. – Он был без ума от древних культур и ходил в Институт читать кельтские тексты. Потом он уехал во Внутреннюю Монголию и вернулся оттуда шаманом.

– А разве шаманом можно стать? Я всегда полагал, что это врождённое...

– Игорь сам родом с Сахалина. Он утверждает, что его мать была айнккой.

– Удивительно, – вдруг снова заговорила она, закончив обдумывать какое-то одно, только ей доступное дело. Именно им она молча занималась весь вечер. – Такой зал – и ни одного по-настоящему привлекательного мужчины.

– Ты о чём?

– Да так. Есть самцы. Мачо, как их сейчас принято звать. Есть нарциссики, травестиподобные. Есть скоты. А мужчин – нету.

– А чем мужчины для тебя отличаются от... ну, скажем, самцов?

– В мужчинах есть некоторые вещи, от которых женщины просто теряют голову.

– И что же это? Мужественность?

– Нет. Мужественность замусолена сегодня так сильно, что и прикасаться к ней не хочется. Любую нормальную женщину корёжит от выражения «и он мужественно переносил все свалившиеся на него невзгоды».

– Вот как, – хмыкнул я вполне заинтересованно.

Кира, несмотря на свою гуманитарную специализацию, была таким мастером парадоксов, какими бывают лишь редкие физики или математики.

– Есть такое понятие «личная храбрость». По-настоящему храбрый человек не «переносит свалившееся», он вступает с ним в борьбу. Впрочем, это качество уже из области фантастики.

– Да... Я вот думаю сейчас, можно ли мне назвать себя храбрым человеком. Даже и не знаю.

– Я тоже не знаю. Ты добрый, надёжный, уверенный... Может, это и к лучшему. В по-настоящему храбрых людях есть некоторый дефицит надёжности. Они... ну, что ли, более непредсказуемы.

– Ну... И как тебе сегодняшний вечер, Кирок?

– Да как обычно... Совместный пир пауков и бабочек-однодневок... И так вся Москва... А может быть – вся Россия...

Модный шаман Болботун Хорхой

Утро началось с противной необходимости оплатить поставку товара. Конечно, эти деньги обещали вернуться к нам с прибылью в самое ближайшее время, но для любого коммерсанта необходимость отдавать деньги влечёт за собой отрицательные эмоции, чем бы эта необходимость для него ни оправдывалась. По не совсем понятной логике, я решил, что уж если было необходимо расстаться с полумиллионом рублей, то можно позволить сделать это и с семьюдесятью тысячами, и оплатил счета коммуналки и аренду. Плохое настроение усугубилось, и я, как обычно в такой ситуации, включил на компьютере пошаговую стратегию, с тем, чтобы победой в виртуальных мирах заглушить в себе раздражение от дел реальных.

Тем не менее я продолжал поглядывать поверх монитора в торговый зал через перегородку из тонированного стекла. Скорее происходящее в зале, нежели на экране, медленно, но неуклонно поднимало моё настроение. Наступало лето, и народ спешил обновить свой компьютерный парк, тем более что умные люди из Intel объявили о выходе новых чипов и все предыдущие модификации резко подешевели. Следствие таких смен компьютерной архитектуры всегда было одинаковым: продвинутые юзеры бросались приобретать машины прошлого поколения, а непродвинутые – последний крик компьютерной моды. Всё это выглядело, как всегда, смешно – вычислительные возможности машин трёх последних поколений позволяли моделировать космические полёты с той же степенью точности, как это делали Крау в NASA, а использовались они для простейших бухгалтерских операций, наколачивания текстов и пасьянсов.

Впрочем, не только пасьянсов...

В салон вошёл вчерашний модный шаман из «Тин-Танка», и Хрюндель, который умел определить наиболее значительного клиента в радиусе пятидесяти метров (дальше он начал путаться), принялся увиваться вокруг него. Шаман, очевидно, интересовался ноутбуками, которые, к слову сказать, не были сильным местом нашего магазина. В основном из-за быстрого развития этого типа машин и сложности в их обслуживании. Но Хрюндель обладал замечательной смесью нахрапистости с обаянием, перед которой человек, пришедший с желанием что-то приобрести, устоять не мог. Я оторвался от экспансионистских действий и с наслаждением наблюдал, как он подобрал шаману сверхтонкую Toshiba, с уймой самых современных наворотов, серебристый кейс – и споткнулся только на попытке всучить фирменную бейсболку. Нет, чувства меры Хрюнделю всё-таки не хватало... Но мальчишке всего двадцать пять лет, научится. С облегчением я увидел, как шаман пережил бейсболку и направился к пункту оплаты. Я вновь ткнулся в монитор – на моё побережье высаживались поселенцы, казалось бы, уже исчезнувшей цивилизации, и вдруг увидел, как шаман, вместо того чтобы направиться к выходу, двинулся ко мне в кабинет.

– Здравствуйте, Виктор Олегович! – радушно улыбнулся он. – Вот, давно уже хотел обзавестись современным ноутбуком и вчера повстречал вас. Ну-ка, думаю, приобрету себе записную книжку, да и познакомимся...

– Ну, вчера нас заочно представила Кира, – хмыкнул я, понимая, что сейчас на мне отрабатываются простейшие шаманские фокусы – вроде всеведения.

– Ну, Кира вас, заметим, вчера не представляла. К слову, это сделала подруга вашего компаньона, которая сегодня с утра записалась ко мне на сеанс. Ну а я уже решил воспользоваться представившейся возможностью и лично повидаться.

– Машинку, я гляжу, вы выбрали неплохую... Надеюсь, вы полностью отобьёте её через Ларисин гонорар... – Долг платежом красен, подумал я, романтическая Алиса Жановна ещё два года назад была примитивной Ларисой Ивановной. Пустячок, а приятно. И вдруг я остро ощутил, что проклятый шаман получил очко в свою пользу, я ведь только что выступил на его стороне.

– Да полноте вам, – шаман улыбается мыслями, а не лицом. – Деньги меня интересуют лишь как способ хорошо жить, а хорошо жить для меня – это понимание тех сущностей, которые управляют нашим миром.

Мне захотелось прекратить этот разговор.

– Как вы наверняка знаете, я – кибернетик, математик, электронщик и немного физик. И, как выразилась вчера ваша клиентка, – ретроградный физик. А ретроградный физик вряд ли может поведать шаману что-то, кроме простейших законов, которыми держится наш мир. И мне очень не хочется быть объектом для вашего изучения, даже в качестве ретроградного физика. Надеюсь, что компьютер, который вы приобрели, будет служить вам долго и исправно. Благодаря точному выполнению физических законов в его потрохах.

Я поднялся из кресла.

Шаман стоял передо мной, он смотрел на меня, но разглядывал, казалось, что-то, что шевелилось за моим затылком.

– Да, конечно, – произнёс он безразлично. – Было бы глупо думать, что серьёзный разговор может начаться так просто. По вашим меркам, нас едва соединяет одно полуслучайное знакомство, через вторые-третьи руки, моё – с вашей приятельницей, я, к слову, даже и не очень помню, как её зовут...

– Честно говоря, я даже не вижу точек соприкосновения, – хмыкнул я и совершил ошибку.

Я протянул ему руку на прощание.

Он взял её и ненадолго задержал в своей.

Ощущение было, как будто меня тряхнуло током.

– Что бы вы ни подумали о моих словах, – сказал он вдруг глухим и печальным голосом, разжимая пальцы, – я всё-таки сейчас скажу. Я много странствовал и много повидал. Я видел радикалов, которых называют фанатиками, – в Бадахшане, Сынцзяне и Кашмире. Людей, за головы которых правительства могущественных стран обещают неслыханные деньги. Но ни один из них не соприкасается с опасностью так близко, как вы. Похоже, вы дёргаете за усы само спящее Зло мироздания.

И вышел.

Кира

На следующий день Кира неожиданно появилась у меня в офисе где-то в полчетвёртого. – Ну и ливень на улице, – весело сказала она, отряхивая от воды зонт и шляпку. Женщины должны время от времени спасать мужчин от мужской жизни! – Ты не провезёшь меня сегодня по магазинам?

Клад, конечно, кладом, но во время банкротства и поисков клада личную жизнь тоже никто не отменял. Я уже давно хотел сделать Кире подарок и подобрал подходящее кольцо в ювелирном салоне на Новой Басманной. И решил, почему не сегодня? Но, бывают такие дни, покупатель словно с цепи сорвался, и меня то и дело вытаскивали в торговый зал для консультаций. Кира скучала в кабинете, и её развлекал какими-то северными историями Сабуров, тоже ожидавший Сержа, уехавшего на переговоры с партнёрами. Я безуспешно пытался найти папку с документами на партию компьютеров Compaq, которые позавчера пришли из Германии, в кресле напротив сидел представитель компании, которой необходимо было монтировать локальную сеть, а дождь за окном сплошными струями стекал по стёклам, и от них исходила вибрация, будто в кабинке гигантского душа.

Обычно во время дождя на меня снисходит какое-то умиротворение и созерцательное отношение к миру. Но сегодня ему неоткуда было взяться. В кабинет всё время заглядывали самые разные люди, спрашивали что-то, а то и просто тарасили глаза, менеджеры разрывали на куски триллионом идиотских вопросов, и в довершение позвонил Серж и попросил перебросить его с Каширки, где он только что закончил консультации, на Волоколамку.

Наконец я направился к выходу. Сергеич продолжал сопровождать Киру, рассказывая ей какую-то ужаснейшую историю о том, как они ели собак где-то на метеостанции в Якутии. А рядом семенил низкорослый представитель «Юнона-трейд-компани» и не переставая пожирал меня глазами, всё ожидая, когда я покажу ему технологическую схему монтажа сервера и многоуровневой сети в его новом офисе. В холле навстречу мне выскочил какой-то из прошлых состоятельных клиентов и начал требовать сверхширокий плазменный монитор. Отвязаться от них обоим не было никакой возможности в принципе, и в этом бедламе я уже почти потерял возможность строить логические связи.

Наконец, отчаявшись, я вспомнил, что папку с документами на сервак и Compaq'и, скорее всего, оставил в машине на стоянке.

Я довольно невежливо оторвал Сабурова от общения с дамой.

– На́ ключи, принеси папку из машины, – попросил я.

Дождь за стеклянной стеной холла припустил ещё пуще.

– Куда ты гонишь человека в такую дождину, – укоризненно сказала Кира и протянула Сергеичу мой плащ, который до этого держала в руках. – А впрочем, я сейчас сама сяду в машину, ты быстрее закончишь, если будешь знать, что я тебя жду.

Кира под руку с Сергеичем, накинувшем мой плащ едва ли не на голову, припустили к машине. Она сразу нырнула на правое сиденье, а Сергеич чуть-чуть повозился с замком, затем залез назад и, судя по всему, стал рыться в папках.

Дальше я потерял сознание.

Вопреки тому, что пишется в книжках, человек, которого глушит взрывом, взрыва не видит...

Я очнулся через несколько секунд после удара. Холл института весь был засыпан битым стеклом. У выхода истошно кричала вахтёрша – её придавило перевёрнутым столом. Как в оживающей картине, брошенные на пол люди по одному начинали шевелиться. К первому крику примешались какие-то стоны. Но всё это я воспринимал через какую-то серую ватную

пелену. Потому что на стоянке, среди раздвинутых и покорёженных машин, догорали остатки «Ауди» и то, что ещё минуту назад было Кирой...

В этом же сумраке сознания я продолжал пребывать весь вечер. Меня везли в какой-то приёмный покой, кололи транквилизаторы и болеутоляющее, меня допрашивали люди в форме и без. На заднем плане этого действия появлялся и исчезал Серёга, коллеги по магазину, испуганные служащие. «Едва не убили!» – донёсся до меня чей-то то ли крик, то ли шёпот. «Девушку всмятку, а сам жив остался!»

С большим трудом я понял, что все вокруг убеждены, что убить пытались меня.

Часов в одиннадцать вечера меня из милиции забрал знакомый лоер, тот самый, у которого я расспрашивал о самолётах и самолётных кладоискателях.

Он буквально силой засунул меня домой и поил коньяком, пока я не начал терять сознание. Серж находился рядом.

– Ключ забрать или нет? – спросил Эдик (так звали лоера) Сержа, так, будто меня рядом не было.

– Не надо, – мрачно буркнул Сергей, – я у него переночую.

– Что ж, – участливо произнёс Эдуард, – наверное, это самый лучший вариант. Стало быть, повторяю для невнимательных, без меня ни с кем не пускать разговаривать, из дома, по возможности, не выходить. Лучше всего денёк продержаться... Ну, словом, как сейчас... – И вышел.

Я рухнул на диван, потому что этого ждали от меня все – ушедший лоер, Серж и прежде всего я сам. Но через полчаса в моё сознание стал пробиваться чей-то приглушённый голос, то ли мой собственный, то ли Серёгин. Я приоткрыл глаза. Серж сидел верхом на табуретке и разговаривал с кем-то по моему телефону.

– Да, погиб точно. Прикинь, почти что на атомы расплыло. Но это не так уж важно. В смысле, жаль мужика, но всё, что он знал, он уже выложил, и по нескольку раз. Зрительная память? Какая зрительная память, когда прошло тридцать лет? Ах, у тебя такая? Ну ладно, у нас есть круг радиусом десять километров.

Я прикрыл глаза. Всё-таки вирус поиска в мужчине сильнее скорби по его ближним, пусть даже хорошо знакомым людям.

К сожалению, про себя я этого сказать не мог. И забылся на ночь и весь следующий день.

Кира. Последний раз Кира

Киру хоронили в понедельник.

Шёл последний снег, временами переходящий в дождь. Людей на кладбище было очень и очень мало – человек двадцать от силы. И я подумал: как же она была всю жизнь одинока! Все её древние кельты, подруги, связи ничего не стоили по сравнению с самым главным – она была обречена умереть в одиночестве и знала об этом.

«У меня никогда не сможет быть детей», – призналась она однажды.

Кто-то что-то произносил, люди рыдали, стучали комья земли о крышку гроба, а я продолжал слушать её, понимая, с каким необыкновенным, мудрым и светлым человеком ненадолго столкнула меня судьба посредине жизни.

Кира, может быть, и не знала всего на свете. Но она всё на свете понимала.

«Каждый купец нашего времени в душе – довольно сильно пират. Он в любую минуту готов закрыть на лопату свою лавку и выйти в море на „Золотой Лани“».

И тут я решил: что бы ни случилось, доведу дело с самолётом до конца.

Полковник Шергин

В один из последующих дней меня пригласил к себе Сац. Мне, поросёнку, уже давно надо было появиться у него, хотя бы для того, чтобы поблагодарить за адвоката. Я прошёл через обширный холл, где дежурил вооружённый охранник, и про себя поёжился: видимо, ещё некоторое время буду опасаться обширных застеклённых пространств. Поднялся на лифте на второй этаж. В доме, где жил Сац, лестниц, кроме пожарных, не было принципиально.

Дверь в квартиру Льва Давидовича была приоткрыта. Я прошёл в огромный кабинет и остановился, как полярник на дрейфующей льдине, посреди огромной шкуры белого медведя, подарок Льву Давидовичу от какой-то нефтяной компании.

В кабинете Лев Давидович был не один.

За его любимым кофейным столиком, выполненным из гигантского нароста какого-то сибирского дерева, сидел подтянутый, седой как лунь сероглазый морщинистый человек. Человек выглядел очень загорелым, и на его коричневом, выдубленном лице крупные серые глаза сияли настоящими льдинками – холодным и чистым светом. Жемчужно-серый костюм сидел на нём довольно свободно, что наводило на мысль о его худобе, но когда он чуть приподнялся и пожал мне руку – своей, длиннопалой и костлявой, как лапа хищной птицы, – я понял, что этот старик по сию пору физически невероятно силён.

– Знакомьтесь, Виктор, – по-отечески захопотал Сац. – Шергин. Марк Соломонович Шергин. Полковник Шергин. Гений антитеррора.

При этих словах полковник Шергин сморщил гримасу, как от зубной боли. На гения антитеррора он никак не тянул. Не было в нём ни дебильного плоскомордия Шварценеггера, ни кретинской ухмылочки Вина Дизеля. Обычный интеллигентный человек, сухой и подтянутый, любитель горных лыж и шахматных парадоксов. Так и представляешь его у камина, окружённого восторженными студентками, поющего под гитару «Белые флаги разлук вывесил старый Домбай». Скорее всего, старик был очень красив в молодости... А... А почему бы и нет? Сколько иронии мне всегда слышалось в этом, хрестоматийном... «Бонд. Джеймс Бонд...»

– Спасибо вам большое, Лев Давидович, – с чувством вины сказал я.

– За что? За то, что я заставил вами заниматься этого бездельника Эдичку? Делать то, что он и сам должен был делать, если бы не ожесточился окончательно в своём сибаритстве? Не меня должны вы благодарить, и тем более не этого светского разгильдяя. Вот ему скажите спасибо, Марк Соломонович избавил вас от многих часов монотонного общения с нашей доблестной милицией.

– Ну, это вы, конечно, через край загнули, Лев Давидович. – Марк Соломонович засмеялся сухим дребезжащим смешком. – Больших усилий, чтобы сократить общение нашей доблестной народной милиции с молодым человеком, мне не потребовалось. Эка невидаль для Москвы – один мелкий предприниматель пытается убить другого мелкого предпринимателя. Но ничто не даётся просто так, вместо тридцати–сорока часов общения со следователем я попрошу пообщаться часа полтора–два со мной. Вы уж уважьте старика, а?

– Один мелкий предприниматель пытается убить другого мелкого предпринимателя! – потрясённо произнёс я. – Вы уж лучше объяснитесь...

Марк Соломонович улыбнулся совсем уж лучезарно, даже многочисленные морщины вокруг глаз, казалось, излучали сияние.

– Давайте я немного облегчу вашу задачу, – произнёс он дружелюбно и просто. – Я буду задавать вам вопросы, а вы на них – отвечать.

– У меня что, есть выбор?

– Нет. В общем-то, нет. Для начала я хочу вам сказать, что родители Киры Валентиновны решили не выдвигать против вас обвинения в убийстве.

– Выдвигать... Против меня... Что?

– А как вы думали? С этим случаем нам непонятно решительно всё. В результате взрыва погибли Кира Валентиновна Стрелецкая, ваша подруга, и Дмитрий Сергеевич Сабуров, ваш сотрудник. Последнего вы сами отправили в автомобиль за какими-то документами.

– Господи...

– Да успокойтесь вы. – Шергин ободряюще улыбнулся. – При первых допросах свидетелей следствие убедилось, что у вас решительно не было видимых причин желать гибели вашей знакомой, а убитый инженер Сабуров и вовсе никому, кроме вас, не был нужен. Итак, на первом плане остаёте вы и ваш бизнес. Какие у вас могут быть предположения? Компаньон? Конкуренты? Война за помещение? За поставки?

– Тыфу на вас, – несколько невежливо сказал я. – Вы что, считаете меня совершенно за идиота? Вы думаете, я не задавал себе эти вопросы – все эти дни, раз за разом? Обсуждать Серёгу я даже не отказываюсь – вы потом поймёте почему. Хотя и сейчас поймёте. Наш салон, компьютерный бизнес – это микробизнес, по московским масштабам-то! Вы знаете, какой у нас годовой оборот-то? Бумаги читали? Мы существуем, как в известном анекдоте, – «между струй».

– Анекдот-то этот, батенька, был сложен как раз про Чубайса, которого трудно упрекнуть в народной любви...

– Да мы «между струй» живём не по причине ловкости, а по причине мелкости. Таких никто уже сто лет не взрывает!

– Гм-м-м... откуда вы знаете, каких взрывают, каких не взрывают? Ну, ладно, собственно говоря, версию из-за вашей финансовой деятельности вы отрицаете полностью. А все остальные? Ревность? Кстати, кому в результате вашей смерти переходит доля в бизнесе?

– Моей бывшей жене. Она живёт в США.

– Угу. В США. А у подруги вашей могли быть некие недоброжелатели?

– Кира? Да что вы? Вот уж кто был святой человек...

В таких вопросах и ответах прошло больше полутора часов. Я на самом деле уже многократно задавал себе все вопросы, которые слышал сейчас от Марка Соломоновича, причём задавал их под разными ракурсами. И какой-то нехороший осадок оставался от них. Нет, не от того, что он анализировал возможность причастности к покушению на Киру Сержа, друзей Киры, собутыльников Сабурова, директора института академика Сидорова, которому вдруг за каким-то лядом потребовалось помещение нашего салона, и он не нашёл ничего лучшего, как избавиться от нас столь оригинальным образом... Ощущение складывалось другое. Это были даже не кошки-мышки. Марку Соломоновичу было абсолютно плевать, кто и зачем хотел меня убить. Он задавал свои вопросы с совершенно другой целью и хотел, чтобы я это понял. Но хотел ли он, чтобы я понял, *какая* это цель?

Неожиданно вошедший Сац нарушил нашу тягостную беседу.

– Ну что, гений антитеррора, – обратился он к Шергину, – а остатки бомбы нашли какие-нибудь? Ведь забабакать такое дело не где-нибудь, а в центре Москвы – это и людей, и технику надо подходящую. Так что же – так-таки никаких следов не осталось?

– Вещдоков практически никаких, – сказал «гений антитеррора», едва заметно поморщившись на комплимент Саца. – Но по некоторым признакам можно сказать – самый примитивный вариант радиоуправляемой мины. Той, которую газетчики упорно называют бомбой. Лепится на бензобак, управляется самым обыкновенным пультом радиуправления для игрушек. Ну, слегка усовершенствованным пультом, частоту чуть-чуть уводят с общепринятой, для того, чтобы исключить случайный подрыв устройства киндером из соседнего здания, когда он гоняет по полу какого-нибудь робота-трансформера. Нажимается кнопка, и происходит... Ну, то, что вы видели. И, к счастью, пережили. Мало кто может похвастаться. Поздравляю.

– Так что, – Лев Давидович отставил на край стола чашечку кофе, – вы не считаете, что здесь орудовали профессионалы?

– Профессионалы, – мрачно, с некоторой брезгливостью повторил Марк Соломонович. – Ну что такое! Человек скажет слово «профессионал», надует щёки – как будто этим всё объяснил... А профессионалы – это просто умелые люди. Они есть везде, и везде их не очень много. Они есть и у бандитов, и в армии, и в милиции, и в ФСБ. Потом, вариантов много. Это могли быть профессионалы, работающие не под профессионалов. Это могли быть профессионалы, в совершенстве владеющие именно простыми методами работы. Кстати, эти люди, как правило, – самые опытные и умелые.

– Опытные и умелые? – удивился Сац. – Но ведь покушение провалилось, простите, Виктор, Бога ради!

– Провалилось? А кто вам сказал, что оно провалилось, – удивился Шергин. – Наверное, не надо сомневаться в том, что, вы уж простите, Виктор, вас кто-то хотел убить. Дело в том, что вы несколько раз при большом стечении народа повторили, что из офиса вы выезжаете через полчаса, причём сказали это даже по телефону неизвестному вам человеку. Скорее всего, срок вашего отъезда был несколько раз выверен. Возможно, кто-то по мобильнику координировал весь процесс рядом с вами. Вы же сами не ожидали, что задержитесь в холле и вам потребуются прямо там документы на эту партию... Так что здесь они перемудрили, но совсем чуть-чуть...

Он отхлебнул чаю из стакана и продолжал:

– Вообще, тут есть над чем задуматься. Фантазировать можно много. Например, почему всё это сделано так нарочито громко... Ведь, прошу прощения, пришить вас, Виктор, можно было нанять любого наркомана, из парней, прошедших Чечню. Тихо, гарантированно с концами. Потому что потом исчезает и этот наркоман, и тот, кто нанял этого наркомана. Взрыв – всегда дело несколько... м-м-м... экстраординарное, что ли... Вот если бы у вас была суточная смена телохранителей, тогда я бы их понял. Поэтому оставляю для себя место ещё двум версиям: о запугивании и о том, что вас просто, пардон, с кем-то перепутали.

– Перепутали? Ну ничего себе, – оторопел я.

– А что вы думаете, мил человек, бардак у нас только в правительстве и администрациях? У гангстеров своего бардака хватает... Словом, сотрудничайте со следствием, а я уж за ним пригляжу...

– Действительно, зачем вас кому-то убивать, Виктор? – вскинулся Сац, явно обрадованный удобной возможностью всё списать на случайность. Ему было неприятно оттого, что с его приятелями происходят такие непристойные вещи, как покушение на жизнь. – Серёжа и Витя ребята аккуратные, долгов у них, по московским меркам, немного, они их старательно и в срок отдают... Сейчас, правда, затруднение испытывают, но вот – бьются изо всех сил... Правда, какую-то глупость с самолётом ископаемым затеяли, но, надеюсь, остынут, кладоискатели...

– Да... С самолётом. – Марк Соломонович снова отхлебнул чаю и вдруг, первый раз за весь разговор, быстро и исподлобья поглядел мне в глаза – будто в душу уколол зрачками: – Может, и правда, это – глупость? Деньги – наживное дело, перезаймёте...

Много позже я понял, что было по-настоящему главным в нашем разговоре...

Организация содействия внешней торговле (JETRO), Япония

Русские очень любят говорить, что в России подавляющее большинство организаций является не тем, чем они кажутся на первый взгляд. Но ещё более верно это утверждение в отношении Японии, где служба внешней разведки скрывается под совершенно безобидным названием – Организация содействия внешней торговле. Япония единственная из развитых мировых держав не имеет своего официально утверждённого разведывательного центра, такого, как ЦРУ, МИ-6 или ГРУ. Формально собственной разведки в Стране восходящего солнца даже не существует.

На деле же функции многочисленной армии государственных шпионов несут на себе крупные японские корпорации и фирмы. Усилия же по их координации осуществляет вышеупомянутая организация, более известная во всём мире по своей аббревиатуре – JETRO.

Именно туда позвонил Коичи Кидо после получения письменного отчёта Кобаямы. Пользуясь своим служебным положением, он набрал номер не Отдела авиационной техники и ракетных технологий, с которыми был официально связан, а заместителя директора организации Тохичиро Такаси.

– Такаси-сан, я надеюсь, вы ознакомились с письмом, отправленным вам накануне?

– Благодарю вас, Коичи-сан. Я долго смеялся над глупостью этих людей, пытающихся обмануть друг друга и выдать одну вещь за другую. Вот так всегда с этими людьми Запада – все они преследуют очень короткоживущие цели, совершенно не думая о далёком будущем.

«Да, хвала Будде, этому мы научились, – с удовлетворением подумал Кидо, – мы, японцы, стараемся просчитывать жизнь на поколения вперёд».

– Итак, вы считаете, что американцы хотят, выдавая один самолёт за другой и обещая за него невероятные, по меркам этого бизнеса, деньги, найти местоположение этого «Ки-77»?

– Нет, не совсем так, – откликнулся Коичи Кидо. – Я не сказал, что это американцы.

– Но сайт зарегистрирован в американском домене .com. И кроме того, там указан почтовый адрес и офис организации!

– Такаси-сан, зарегистрировать в американском домене сайт может любой гражданин планеты. Этим пользовались абсолютно все – даже Аль-Каеда до 2001 года имела на домене .com несколько сайтов по вербовке своих сторонников для борьбы с неверными. Что касается офиса и самой организации, то сейчас наши специалисты с этим работают. Возможно, что и это окажется не более чем шуткой.

– Вместе с тем, – продолжал собеседник, – я подумал, не познакомить ли ещё одного человека с этой шуткой? Я предлагаю нам всем встретиться вместе – ему, вам, этому вашему молодому сотруднику и мне. Я говорю о заместителе министра иностранных дел Широ Фудзита.

– О, это будет огромная честь для нас, – механически произнёс Кидо, срочно пытаюсь понять, какое к этому может иметь отношение Министерство иностранных дел.

– Вот и замечательно! Встреча сегодня назначена на вторую половину дня. Но прошу вас до этого предпринять ещё одну попытку проникнуть на сайт, да, американских фанатиков авиационной истории. Только я сначала уточню – нас не интересует его содержание. Нам важно понять систему его защиты. Я бы очень просил вас после всестороннего изучения этого вопроса прислать два рассказа об этом (формально Кидо не подчинялся Такаси, поэтому тот из вежливости назвал отчёты рассказами): один – короткий, о-очень короткий – для меня. И другой, о-очень подробный – для наших специалистов по сетевой защите данных. Но с этим вы можете не спешить.

Немало озадаченный, Коичи Кидо повесил трубку.

Болботун Хорхой

Во время долгого и томительного периода допросов, собеседований, подписей и протоколов визит модного шамана совершенно напрочь стёрся из моей памяти. На самом деле я получил совершенно недвусмысленное предупреждение, если не сказать угрозу. И прошло не менее месяца, прежде чем я проснулся и спросонья увидел человека в белой хламиде без рукавов, глядящего на меня из-под стриженной чёлки пронзительными кинжалами глаз.

– Похоже, вы дёргаете за усы само спящее Зло мироздания.

Ни в спящее, ни в дремлющее Зло мироздания я не верил и сейчас. А вот в простое человеческое – ещё как верил. И едва мне вспомнился визит шамана, а ведь ещё как вспомнился, даже технические характеристики его «Тошибы» почему-то всплыли в причудливой человеческой памяти, как захотелось немедленно встретиться с ним и потребовать объяснения, полного объяснения сказанных тогда слов, да и не сказанных тоже. А если это объяснение меня не удовлетворит, что же, ехидно подумал я, есть у меня ныне знакомый гений антитеррора, который, судя по всему, таких шаманов ест на завтрак.

Найти модного шамана было, как и ожидалось, проще простого. При покупке ноутбука он должен был в офисе оставить свой контактный телефон.

Хрюндель предоставил мне его за четыре минуты, и я вдруг замер с трубкой в руках. Никакие мои эмоции не могли выдать из меня ощущения неловкости. Господи, образованный человек, программист, в прошлом – аспирант-кибернетик, в начале XXI века звонит по телефону... шаману!

А есть ли у шамана помощник, или там – секретарь? И что я ему скажу? И как ставится ударение на его имени? Попрошу к телефону Болботуна? Или Болботуна?

И что этот помощник ответит? Чем там занимаются шаманы в рабочее время? Камлают? «Господин Болботун на камлании».

И имя ещё то. Из Булгакова. «Белая гвардия». Как оно там, у классика? Именно некий полковник Болботун брал Киев у гетмана Скоропадского... «Помёрз Болботун...»

Я был абсолютно уверен, что звоню по фальшивому номеру, номеру, данному просто так, от фонаря, по номеру, где откликнется дрессированный голос секретарши или мальчика по найму.

Телефон взял сам шаман.

– Виктор Олегович? Как узнал? Видите ли, вам совершенно бесполезно объяснять, как. А поговорить – поговорить, пожалуй, можно. Адрес записывайте.

Модный шаман жил в доме на Патриарших прудах. Ну да, где же ещё жить модному шаману, как не в шикарном комплексе, с охраняемым входом, подземной парковкой и с видом на место достопамятной встречи Берлиоза с нечистью! Краем уха я слышал, что квадратный метр жилой площади в этом домике зашкаливал за пятнадцать тысяч долларов.

Я поднялся на лифте и предстал перед массивной бронированной дверью, над которой, совершенно незаметно, был вмонтирован крошечный глазок видеонаблюдения. А может быть, и не один.

Болботун Хорхой открыл дверь сразу же, без звонка – то ли был предупреждён охраной снизу, то ли поглядывал в монитор наблюдения.

– Проходите. Можно босиком. У меня чисто.

Что чисто, то чисто, это уж точно. Полы были устланы каким-то жёстким, чуть шероховатым тканым материалом, который едва слышно шуршал под ногами. «Индонезийские циновки, из травы аруба», – вполголоса бросил Болботун, пропуская меня в комнату, которую на первый взгляд можно было назвать комнатой для любителя гимнастики.

Это была его приёмная.

Собственно говоря, именно в этой комнате моё скептическое отношение к шаману дало трещину. Хотя, может быть, именно на это она и была рассчитана.

Как мы представляем себе приёмную шамана?

Правильно, бубен. Правильно, головной убор с совиными крыльями, посох и сушёная мартышкина лапа. Ещё балахон из оленьей шкуры с нашитыми на него костяными изображениями людей и духов. Нет, это не я такой знаток шаманизма, это папа – геолог, к. м. с. по горному туризму, и книжки Фенимора Купера и Обручева.

В приёмной комнате Болботуна Хорхой не было ничего.

В ней не было: окон, ковров, стола, журнальных столиков, кресел и пепельницы – в ней не было просто ничего! Только стены, покрытые лёгкими бежевыми обоями, тёмно-коричневый потолок и светло-жёлтый пол, выстланный вот этими самыми циновками-аруба.

И дверь, через которую мы вошли.

Немного оглядевшись, я понял, что комната была или перестроена, или даже спроектирована специально. Была она почти квадратной по площади, ну, может, чуть больше вытянута в длину, потолок был намеренно опущен на высоту двух метров, и даже дверь из сдвижных сандаловых панелей была около полутора метров высотой, так что вы были вынуждены нагибаться, заходя внутрь.

Оказавшись внутри этого пустого параллелепипеда, сдавленного сверху коричневым потолком, я первое время стоял неподвижно, поражённый пустотой, пока не заметил в двух противоположных углах по кубическому пуфу такого же тёмно-коричневого цвета, что и потолок. Болботун Хорхой подошёл к одному из них и прикатил его в середину комнаты.

– Садитесь, пожалуйста. Обстановка у меня, как вы можете видеть, более чем спартанская, но зато ничто не отвлекает вашего внимания.

– Это здесь вы курите ваши психоделики? – усмехнулся я.

– Ну да. И здесь же занимаюсь групповым совокуплением с ученицами. Но вынужден разочаровать – ни курить, ни трахаться я вам не предложу.

– Угу. И что же мы будем делать?

– Да я даже не знаю. Разговаривать в общепринятом для людей смысле мы не можем – слишком разные виды жизненного опыта и духовной практики. Вы, наверное, о чём-то хотите меня спросить?

Надо было отдать должное мерзавцу, держал он себя так, будто живёт на свете пять веков, хотя, судя по биографии, был моложе меня на три–пять лет.

– Собственно говоря – да. Вы пришли ко мне при очень странных обстоятельствах, и мнительный человек принял бы ваши последние слова за угрозу. Я их не понял так, во-первых, потому, что не являюсь мнительным; а во-вторых – не вижу повода бояться. – Я заговорил, и вся ярость, скопившаяся во мне, вызванная этими непонятными обстоятельствами, гибелью Киры, шаманом, неожиданно улеглась и я услышал и увидел себя словно со стороны, наблюдая, как мы сидим – два разнополярных человека посреди магического кристалла.

– Помогает, да? – хмыкнул Болботун Хорхой. – Для того и пустая – чтобы помочь сосредоточиться на главном. Ну и, прежде всего, вы хотели бы спросить меня, кто убил Киру, да?

Я просто кивнул. Бессмысленность всего навалилась на меня сверху, будто этот проклятый коричневый потолок сдвинулся на метр вниз и прижал меня к полу.

– Да уж. Я говорил, и повторяю вам, что мы разговариваем на разных языках. Вы задаёте одни вопросы, а я даю другие ответы. Да что вы думаете, если бы менты могли узнать у шамана точное имя убийц и мошенников, у меня здесь не стояла бы очередь из оперов и следователей, как когда-то простые советские люди стояли в «Макдональдс»? Ну и среди ментов тоже шаманы есть сильные... Сами-то они убедили вас, что жертвой должны были стать не Кира, а вы?

– Не знаю, как они сами, но меня запутали вконец, – сказал я попросту. – Насколько я понимаю, одна из основных версий заключается в том, что нас с кем-то перепутали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.